

ТОМЕК

в стране кенгуру

АЛЬФРЕД ШКЛЯРСКИЙ

Иллюстрации Владимира Канивца

Приключения Томака Вильмовского

Альфред Шклярский

Томек в стране кенгуру

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

Шклярский А.

Томек в стране кенгуру / А. Шклярский — «Азбука-Аттикус»,
1991 — (Приключения Тома Вильмовского)

ISBN 978-5-389-21271-8

Гимназист Томек Вильмовский живет в семье своей родной тети Янины — мать мальчика умерла, а опальный отец был вынужден уехать за границу двумя годами ранее. Четырнадцатилетний Томек мечтает о путешествиях, посвящая почти все свободное время чтению книг о других континентах и странах. Внезапно незадолго до окончания учебного года на пороге дома тети появляется неожиданный гость, экстравагантный зверолов и путешественник по имени Ян Смута. Он рассказывает Томеку об отце, очень тоскующем по своему сыну, и о фирме Гагенбека, которая занимается ловлей диких животных для зоопарков. Так Томек получает приглашение присоединиться к экспедиции в Австралию и, само собой, ни секунды не раздумывая, с радостью соглашается. А какой мальчишка на его месте поступил бы иначе?.. Захватывающие приключения, о которых он так давно мечтал, уже близко! На историях о бесстрашном Томеке Вильмовском, вышедших из-под пера польского писателя Альфреда Шклярского, выросло не одно поколение юных любителей книг. Перед вами первый роман из этого цикла — «Томек в стране кенгуру», перевод которого был заново выверен и дополнен интересными и познавательными научно-популярными справками. Замечательные иллюстрации к книге создал художник Владимир Канivec. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-389-21271-8

© Шклярский А., 1991

© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

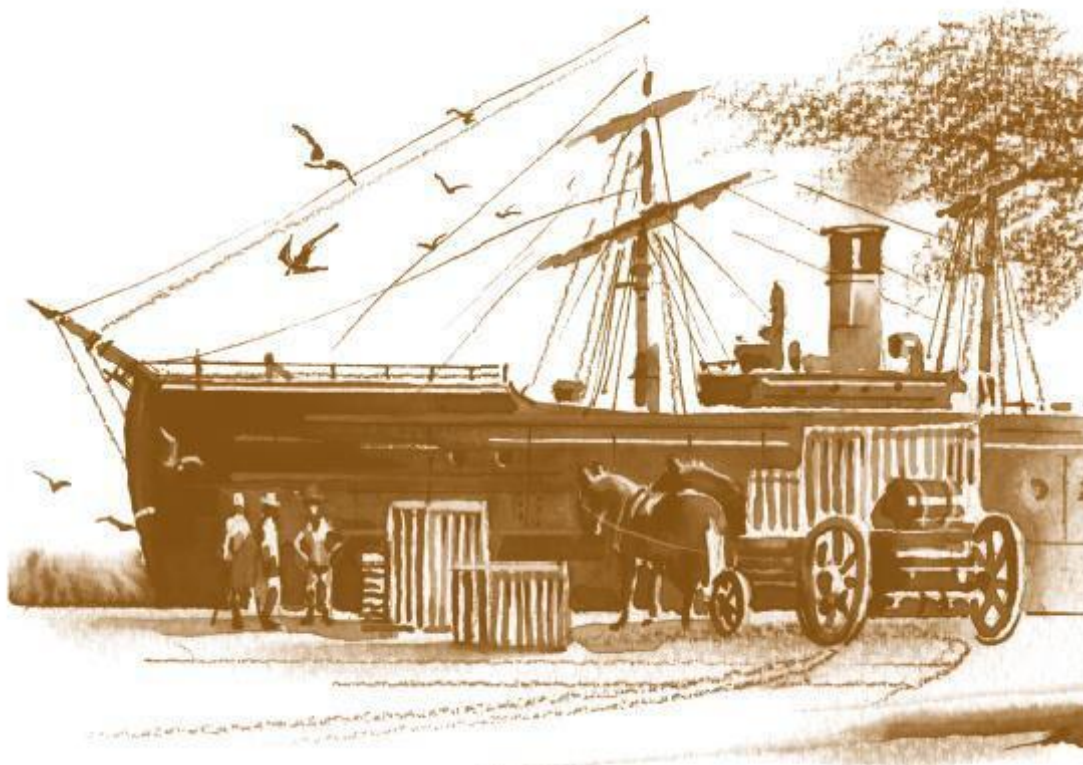
Альфред Шклярский	6
I. Месть	8
II. Таинственный гость	18
III. Встреча с отцом	29
IV. Сюрпризы на «Аллигаторе»	40
V. Прорицатель из Порт-Саида	51
VI. Цейлонский слон и бенгальский тигр	63
VII. Между циклоном и пастью тигра	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Альфред Шклярский Томек в стране кенгуру

Alfred Szklarski
TOMEK W KRAINIE KANGURÓW
Copyright © by MUZA SA, 1991, 2007, 2018
All rights reserved

Перевод с польского Евгения Шпака

Иллюстрации Владимира Канивца

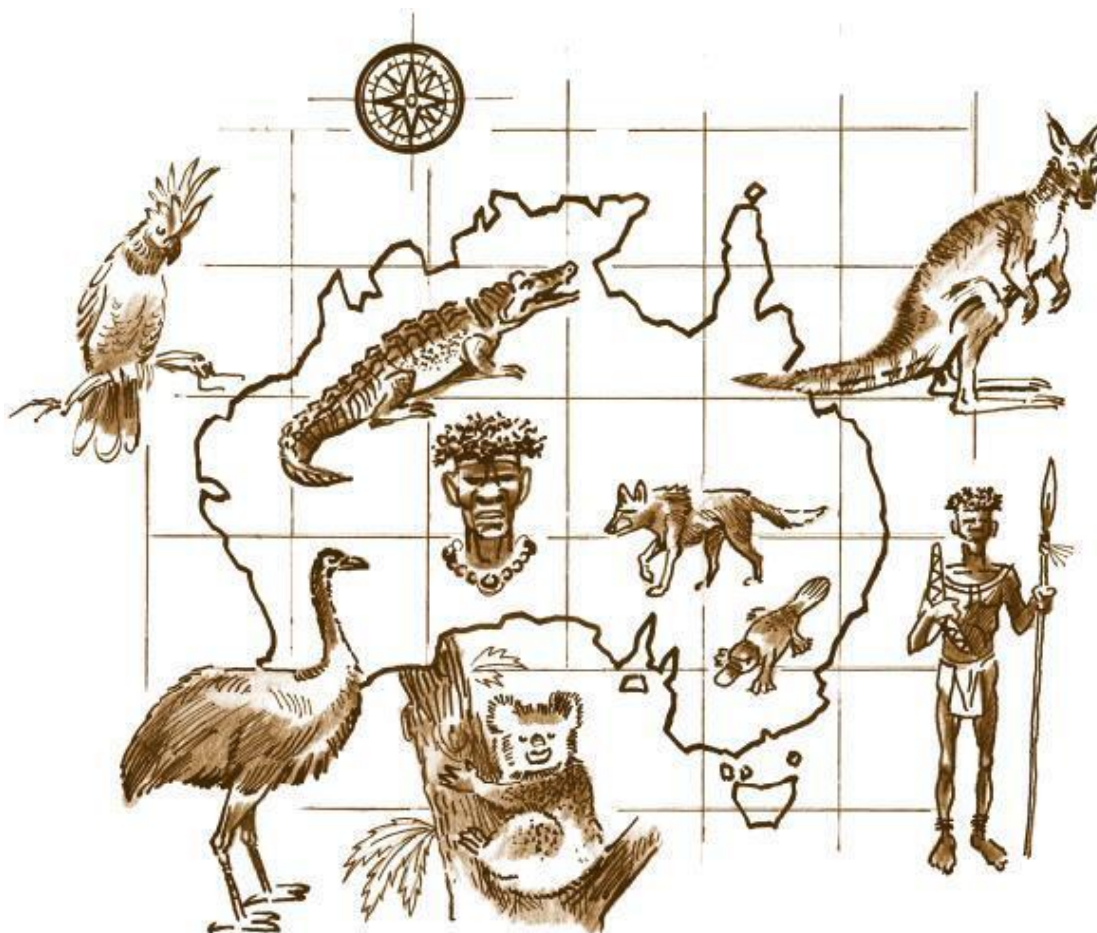
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© Шпак Е., перевод на русский язык, 2002

© Оформление, примечания, комментарии. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

© Издание на русском языке, серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Азбука®

I. Местъ

Звонок вот-вот должен был возвестить конец перемены. Школьный коридор медленно пустел, ученики уходили в классы, в стенах школы постепенно устанавливалась тишина. Небольшая кучка четвероклассников¹ вертелась вблизи парадной лестницы и у двери, ведущей в учительскую. По мере того как приближался конец перемены, в сердца сновавших по коридору ребят проникала робкая надежда: не пришел учитель географии Красавцев. Во всяком случае, его не было ни в канцелярии, ни в учительской. Может быть, он заболел и вообще не придет сегодня в школу? А может быть, он хотя бы опоздает, как это часто с ним бывало? Среди ребят, шепотом беседовавших в коридоре, выделялся Томек Вильмовский, хорошо сложенный блондин, оживленно утешавший своих нервничавших друзей:

– А я вам говорю, сегодня Пилы в школе нет. Я убедился в этом лично и ручаюсь, что это правда. Может быть, его служанка, уходя в город за покупками, нечаянно заперла дверь на ключ? Вот была бы потеха! Вы себе представляете Пилу с журналом в руке, мечущегося из угла в угол по квартире? Ах, если бы это увидеть!

Лица у ребят засияли при мысли о такой великолепной возможности. Впрочем, трудно удивляться, что домыслы Томека возбуждали у его друзей надежду и радость. До летних каникул оставалось не больше трех недель, а Красавцев, или, как его дразнили ученики, Пила, предупредил, что перед своим ускоренным отъездом в Россию оставит «польским бунтовщикам» о себе такую память, что они не забудут о нем весь следующий год «сидения» в том же классе. Эта угроза могла означать только лишь ухудшение отношения дирекции гимназии к четвероклассникам.

Опасения были не лишены оснований. Некто Мельников, назначенный несколько месяцев назад директором гимназии, очень твердо требовал от своих воспитанников безусловного послушания и привязанности к царской фамилии. Дело в том, что наш необыкновенный рассказ начинается в 1902 году, в то время, когда значительная часть Польши находилась под правлением русских царей. Новый директор, которого ученики возненавидели всеми фибрами своей души, отличался чрезвычайным усердием в деле русификации польской молодежи. Ему было мало того, что все уроки велись на русском языке. Мельников – и под его влиянием некоторые учителя – строго следил за тем, чтобы ученики в школе вообще не говорили по-польски. Новый директор посвящал много времени изучению семейных отношений своих воспитанников. Он на каждом шагу и в каждом ученике подозревал враждебность к царской России, что, как правило, отражалось в дневниках учеников единицами и двойками по многим предметам.

¹ В первый класс гимназии в царской России принимали мальчиков в возрасте 9–10 лет, значит в тексте речь идет о 13–14-летних подростках.

Сразу же после своего назначения в гимназию Мельников обратил внимание на четвертый класс. По его мнению, в этом классе не было «русского духа». Четвероклассники не очень прилежно учили русскую историю, многие из них плохо знали русский и, как утверждали доносчики, говорили между собой по-польски. Обеспокоенный этим директор обратился за справкой в полицию и узнал, что некоторые из родителей его учеников считались «неблагонадежными». Поэтому, недолго думая, директор решил разорить «осиное гнездо» и выдал соответствующее приказание своему доверенному – учителю географии, шестидесятилетнему Красавцеву.

Мельников вызвал Красавцева в Варшаву и определил его на место учителя, который после несчастного случая заболел и подал в отставку. Красавцев, одинокий, обозленный человек, часто искал забвения в алкоголе. Поэтому в школе он был чрезвычайно рассеян, сосредоточив внимание на выполнении тайных распоряжений Мельникова. Чтобы ничего не забыть, Красавцев вносил в записную книжку важнейшие приказания своего начальника. В эту книжку он постоянно заглядывал во время урока.

Ученики прекрасно чувствовали отношение директора и его приспешника к ним, поэтому недвусмысленная угроза Красавцева возбудила у них страх перед последним в этом учебном году уроком географии.

В коридорах школы резко задребезжал звонок. Четвероклассники с облегчением вздохнули. Они вошли в класс и через приоткрытую дверь наблюдали за учителями, спешившими на урок. Красавцева не было. Но вот Юрек Тымовский, скрытый за колонной в коридоре у лестничной клетки, стал делать рукой знаки, будто пилит дерево. Томек Вильмовский сразу же понял, в чем дело.

– Вот, черт возьми! Все же Пила появился в школе, – обратился он к укрывшимся за ним товарищам.

Юрек Тымовский вошел в класс. Разочарованно махнул рукой, говоря:

– Пила уже на лестнице. На ходу снимает пальто и немилосердным образом сопит... Это же надо, чтобы в такой прекрасный солнечный день человека ожидала позорная судьба...

– Может, обойдется. Важнее всего не терять присутствия духа, – шепнул Томек, сжимая локоть друга.

Взволнованные ребята спешно занимали свои места. Исключение составлял первый ученик Павлюк, известнейший подлиза, который среди товарищей слыл ябедником и шпионом. Ему-то бояться нечего. Он сидел прямо и со злобным удовлетворением смотрел на обеспокоенных соседей.

Томек Вильмовский сел за парту рядом с Юреком Тымовским. У него, собственно, не было причин опасаться за себя. Он превосходно учился, а география была его любимым предметом. Если бы среди большинства учителей он не пользовался репутацией «польского бунтовщика», то, по всей вероятности, считался бы первым учеником. Сегодня он боялся только за своего приятеля, которому угрожала явная опасность остаться на второй год. В школе все знали, что у отца Юрека недавно были неприятности с жандармерией. Он был инструктором верховой езды в манеже на Литовской улице, где, как подозревала полиция, происходили тайные собрания поляков, выступавших против царской России. За это Мельников уже не раз вредил Юреку, да и теперь не было сомнения, что он поручил Юрека «опеке» Красавцева. Томек дружил с Юреком и очень любил его отца. Благодаря хорошим отношениям с Тымовскими он пользовался в манеже некоторыми привилегиями. Старший Тымовский в свободное время обучал мальчиков верховой езде. По уверениям инструктора, Томек держался в седле очень хорошо. И чрезвычайно гордился этим. Скромные материальные возможности опекунов не позволяли ему слишком много развлекаться. По многим соображениям бесплатное обучение верховой езде было для него огромным удовольствием. Теперь Томек с беспокойством думал о том, сколько хлопот и неприятностей ожидает отца Юрека, если его сын не перейдет в следующий класс.

Со школьным журналом под мышкой Красавцев вошел в класс. Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить плохое настроение учителя. Шаркая ногами, он уселся за кафедру, разложил на ней журнал и, что-то бормоча себе под нос, стал нервно копаться в карманах. Не находя того, что ему нужно, гневно морщил лоб. Видя это, Юрек Тымовский обратился к Томеку и тихо сказал:

– Ого, вот будет Страшный суд! Наверное, Пила опять забыл свои очки...

– Ну и хорошо! – тоже шепотом ответил Томек. – А может быть, и записную книжку забыл сегодня...

Надежды ребят исполнились только наполовину. Как раз в этот момент учитель достал из кармана записную книжку, положил ее перед собой и в гневе пожал плечами: очков не было. Некоторое время он что-то искал на страницах записной книжки, после чего начал кривым пальцем водить по журналу, который лежал перед ним на кафедре.

Урок начался. Красавцев то и дело вызывал учеников к доске. Задавал один или два каверзных вопроса и ставил в журнале отметку. Оценки были весьма суровые.

Томек и Юрек сразу же сообразили, что учитель вызывает тех учеников, родители которых считались «неблагонадежными». Юрек сидел с опущенной на грудь головой. Томек беспокойно поглядывал на дверь, ведущую в коридор.

«Может быть, уже скоро звонок и конец урока! – думал он. – Что будет, если Юрек получит двойку по географии?!»

Действительно, положение Юрека Тымовского было незавидное. Ведь и без того он почти по всем предметам получал плохие отметки, так как не мог должным образом усвоить русское ударение².

Красавцев, низко склонившись над журналом, продолжал водить пальцем по странице, теперь он задерживался на фамилиях, начинающихся с последних букв алфавита.

Вот он вызвал Татаркевича.

– Такой провал – и как раз в конце года, – шепнул Юрек. – Чувствую, что следующим буду я...

– Сейчас, верно, прозвенит звонок, может быть, он не успеет... – утешил его Томек, хотя сам не верил в счастливый конец урока.

Невольно он взглянул на учителя. Тот как раз ставил отметку Татаркевичу, носом почти касаясь журнала. Это обстоятельство подсказало Томеку сумасбродную идею. Учитель давно болел глазами, он был очень близорук, а сегодня, к счастью, забыл очки, и все его внимание было сосредоточено на журнале, в котором он с таким удовольствием ставил плохие отметки.

«Надо во что бы то ни стало спасти Юрека, хотя бы из благодарности к его отцу, – решил Томек. – Будь что будет! Была не была!»

Красавцев, по-прежнему не отрывая глаз от журнала, вызвал:

– Тымовский!

– Сиди! – шепнул Томек и, скрывая волнение, стремясь сохранить полное спокойствие, вышел вместо Юрека к доске.

Ученики взволнованно зашевелились за партами, но потом замерли, затаив дыхание.

В классе воцарилась мертвая тишина.

Все знали, что Красавцев готовится нанести смертельный удар. Несколько секунд он с иронической улыбкой на лице думал, какой вопрос задать, чтобы утопить нелюбимого ученика, и, не поднимая и не поворачивая головы, буркнул:

– Ну-ка скажи, как называется самая длинная на земле цепь островов!

Всегда решительный и в опасные моменты собранный Томек сумел совладать с внезапно охватившей его дрожью. Подражая голосу Юрека, он ответил:

– Самый длинный на земле архипелаг островов – это Японские острова. Они тянутся вдоль восточного побережья Азии и вместе с Малайским архипелагом омываются четырьмя большими морями: Охотским, Японским, Желтым и Восточно-Китайским. Японский архипелаг состоит из пяти больших островов и около шестисот малых. Четыре больших острова составляют собственно Японию. Японские острова – это последняя суша со стороны Тихого океана, поэтому японцы называют свою родину Страной восходящего солнца.

Учитель вздрогнул, неприятно удивленный ясным и превосходным ответом. Он немедленно задал второй вопрос.

– Перечислите важнейшие вулканы Мексики!

– Важнейшими вулканами Мексики являются Орисава, высота пять тысяч пятьдесят метров, и Попокатепетль, высота которого достигает пяти тысяч четырехсот пятидесяти метров. Они замыкают низменность Мексики с юга и придают пейзажу страны своеобразную красоту.

От волнения Красавцев громко засопел. Второй ответ был так же хорош, как и первый. Он задумался и наконец задал коварный вопрос:

– Гм-гм, скажи-ка ты мне, что ты считаешь крупнейшим достижением в мире за последние десять лет?

Томек моментально понял, что попал в ловушку. Что бы он ни ответил, Красавцев может ему возразить.

² В польском языке, в отличие от русского, ударение почти всегда падает на предпоследний слог; в исключительных случаях – на третий слог от конца слова.

«Надо схитрить, чтобы поразить Пилу», – подумал он. И, вспомнив статью, прочитанную в газете несколько дней назад его дядей, спокойно ответил:

– Крупнейшим достижением цивилизованного мира за последнее десятилетие, несомненно, является строительство Транссибирской железной дороги в России. Протяженность линии от Москвы до Владивостока составляет свыше восьми тысяч километров. Это одна из длиннейших железных дорог в мире.

Красавцев сидел без движения, будто пораженный молнией. Откуда этот сын «бунтовщика» мог догадаться, о чем он спрашивает? Ведь теперь ни в коем случае нельзя было возразить. И хотя старый пьяница-учитель не колебался, ставя плохие отметки по приказанию директора, но теперь отличные ответы плохого до сих пор ученика ему понравились. Нет, этого паренька, несмотря на горячее желание, оставить на второй год в классе нельзя.

«Ну и черт с ним! Ведь один такой мальчишка не сможет повредить великому царю», – подумал он, а громко сказал:

– Счастье твое, что ты подготовился к ответу... даже ударение у тебя стало лучше. Я думаю, что ты мог бы знать географию, как этот плут Вильмовский; ну, иди на место!

Томек едва удержался от смеха. Красавцев быстро поставил в журнале пятерку, а все ученики начали тихонько посмеиваться.

И вдруг произошло нечто ужасное. Павлюк встал и сказал:

– Господин учитель, ведь это не Тымовский!

Томек побледнел и остановился. Правда, в этот момент Юрек, сидевший за партой за Павлюком, крепко потянул ябедника за ухо, но было уже поздно. Учитель поднял голову. Посмотрел на Томека, усомнившись, не подводит ли его зрение.

– Подойди-ка ближе, – сказал он

Томек сделал два маленьких шага по направлению к кафедре.

– Еще ближе, – буркнул Красавцев, широко открыв глаза.

Томек подошел к самой кафедре.

– Что же это значит, Вильмовский? – грозно спросил учитель, всматриваясь в лицо Томека. – Ведь я вызывал Тымовского!

– Никак нет, господин учитель! Я ясно слышал свою фамилию, – ответил Томек, опасаясь, что громкий стук сердца выдаст его.

– Ерунду городишь! Я вызывал Тымовского, – возмущенно повторил Красавцев.

Павлюк хотел отозваться, но Юрек потянул его за полу мундира, шепча:

– Изобьем тебя как сидорову козу, если скажешь хотя бы одно слово, ты, ябеда!

Красавцев, не уверенный в себе, подозрительно глядел на Томека. Может быть, он действительно ошибочно назвал фамилию? Он раздумывал, не провести ли расследование.

– Извините, господин профессор, если я плохо расслышал. – Томек изменил тактику защиты. – Я так хотел ответить еще раз до конца года... По всей вероятности, я ошибаюсь, потому что вы, господин учитель, ошибаться не можете.

Под влиянием неожиданной лести Красавцев несколько подобрел. Вильмовский был превосходным учеником по географии, поэтому Красавцев всегда вызывал его во время посещения класса инспекторами. Несмотря ни на что, учитель питал слабость к веселому и сметливому пареньку. Посмотрел на часы, лежавшие на кафедре. Урок вот-вот должен кончиться. Он решил еще раз вызвать Тымовского, против фамилии которого в его записной книжке стояла жирная красная точка.

– Ну, Вильмовский! В следующий раз будь внимательнее, а то будет тебе худо, – сурово сказал учитель.

Томек глубоко вздохнул, как человек, выплывший на поверхность после длительного пребывания под водой. У него сейчас же улучшилось настроение. До звонка остались считанные минуты, и Юрек будет спасен. Чтобы выиграть время, он низко поклонился учителю и, притворяясь раскаявшимся, сказал:

– Мне так неприятно, господин учитель, за мою рассеянность. Я вам очень благодарен за то, что вы простили мне ошибку. Еще раз очень извиняюсь, господин учитель.

– Ну ладно, ладно, Вильмовский, – бормотал Красавцев. – Иди уж на место. Тымовский, к доске!

Однако, пока Юрек подходил к кафедре, в коридоре раздался звонок. Красавцев моментально забыл об ученике. Сегодня ему предстояло сделать несколько прощальных визитов перед отъездом на каникулы в Россию. Он быстро спрятал часы и записную книжку в карман и захлопнул журнал. Бормоча что-то под нос, он спешно выбежал из класса.

– Ты меня спас, – шепнул Юрек Томеку.

Они вместе вышли из класса. В коридоре их окружили товарищи. Все они поздравляли Томека, удивляясь его отваге и присутствию духа. Все были возмущены поступком Павлюка. Предлагали сразу же избить ябедника, но Томек прекратил спор, сказав:

– Я не согласен на драку. Нас выбросят из школы перед самым концом года. Павлюк только хотел меня подвести за то, что я учусь лучше, чем он. Это наш давнишний спор с Павлюком. Будьте спокойны, я ему отомщу, но пока это тайна. Вы увидите, как я ему отплачу!

Прозвучал звонок на следующий урок. Ученики вернулись в класс. К общему удивлению, Томек начал беседу с Павлюком, как будто между ними ничего не произошло. Обманутый добродушием одноклассника, испугавшийся было ябедник успокоился.

А Томек был в самом деле в прекрасном настроении. Он спокойно ждал урока истории. На урок должен был прибыть инспектор, что устраняло от него и Юрека всякую опасность быть вызванными. Ведь именно нежелание учеников учить русскую историю возмущало директора школы. Даже такой хороший ученик, как Томек, не раз предпочитал лучше получить двойку, чем, к примеру, перечислить на память членов ненавистной полякам царской фамилии. Ясно, что учитель истории не допустит компрометации при инспекторе. Поэтому Томек был уверен, что отвечать будет первый ученик класса – Павлюк. Томек задумал план мести и весело беседовал с подлизой, чтобы усыпить его бдительность.

Дверь класса отворилась, вошли учитель истории и инспектор. Как только ребята, поприхватовав важного инспектора, уселись, Томек достал из ранца картонную коробочку. Осторожно приподнял крышечку с отверстиями, проделанными шпилькой. На лице Томека появилась хитрая улыбка. Огромный жук-олень, пойманный Томеком три дня назад во время загородной экскурсии, ничуть не потерял резвости, несмотря на тяжесть жизни в неволе. Едва лишь Томек поднял крышку коробки, как насекомое высунуло свои огромные рога, стремясь выползти на свободу. Томек посадил жука назад в коробку и спрятал ее в карман.

Урок проходил так же, как в обычный школьный день. Сначала учитель подробно изложил, не заглядывая даже в книгу, последний изучаемый в этом году раздел из истории Российской империи. Потом, чего он обыкновенно не делал, напомнил ребятам о пройденных уже периодах истории и закончил только тогда, когда инспектор, посмотрев на часы, заявил, что желал бы выслушать ответы кого-нибудь из учеников.

Для Томека наступило время действовать. Как только учитель заглянул в журнал, как бы выбирая, кого вызвать, Томек быстро достал из кармана коробочку. Приложив ее к спине Павлюка, приоткрыл крышку. Огромный жук немедленно воспользовался случаем и выполз из коробочки. Он очутился на воротнике мундира Павлюка как раз в тот момент, когда учитель вызвал его к доске.

Жук-олень, или рогач (*Lucanus cervus*), один из самых известных наших жуков и в то же время самый крупный из европейских видов, так как достигает 52 мм в длину.

Они живут в дубовых и других лесах, днем прячутся в траве или густой листве, а под вечер принимаются летать с громким жужжанием. (...) Личинки этих жуков достигают длины 105 мм и толщиной в палец, но таких размеров они достигают лишь на пятом году жизни. Древние, очевидно, употребляли личинки жуков-оленей в пищу и считали их лакомством. (...) Личинки эти живут обыкновенно в гнилом дереве или в земле и устраивают себе настоящее логовище. Взрослый жук появляется лишь на пятом или шестом году жизни, обыкновенно в конце июня, и жизнь его в этом состоянии продолжается

обыкновенно недели три. Распространены эти жуки по всей Европе, но только там, где есть дубовые леса.

(А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 3.)

Павлюк остановился у кафедры. Низко поклонился инспектору и учителю. На все вопросы он отвечал без запинки, словно читал по книжке. Теперь он, стоя навытяжку, без ошибки повторял новый урок. Учитель с триумфальной улыбкой поглядывал на совершенно удовлетворенного инспектора.

Наблюдая за успехом своего противника, Томек переживал настоящую бурю беспокойства.

«Что случилось с жуком? – думал он. – Подлиза боится насекомых. Что за великолепная месть, если он испугается жука теперь, во время чтения наизусть образцового урока!»

Жук, по-видимому, ничего не знал о желании Томека и все еще не подавал признаков жизни. В конце концов Томек стал уже жалеть, что совершенно напрасно трудился, собирая пищу для неблагодарного насекомого. Вдруг Павлюк нетерпеливо дернул головой.

В сердце Томека появилась надежда. Павлюк второй раз дернул головой и дотронулся пальцами до шеи. Теперь события, о которых мечтал Томек, начали нарастать с быстротой снежной лавины. Павлюк нервным движением поднес руку к глазам и увидел на ней огромного жука. Он пронзительно закричал и непроизвольно отбросил насекомое. Жук попал в лицо инспектору, который вскочил, будто на него плеснули кипятком.

Произошел страшный скандал. Учитель, испуганный не меньше инспектора, сурово отчитал Павлюка и сделал ему выговор. Он кланялся, принося разобиженному начальнику

извинения. Конечно, урок окончился, так как разгневанный инспектор вышел из класса, за ним поспешил расстроенный учитель.

Надуваясь, словно павлин, Томек вторично в этот день принимал поздравления от восхищенных друзей. Одним ударом ему удалось отомстить подлому ябеднику и подложить свинью учителю, излишнее усердие которого приносило Томеку большие неприятности дома.

После уроков Томек и Юрек вместе вышли из школы.

II. Таинственный гость

Попрощавшись с Юреком, Томек остановился у маленького сквера в центре площади Трех Крестов. Он задумался над тем, как провести остальное время. Ему не хотелось возвращаться из школы прямо домой после столь интересно начавшегося дня. Солнечный июльский день благоприятствовал прогулке по городу. Искушение было тем больше, что достаточно было пройти через площадь, чтобы попасть в тенистые, осененные буйной зеленью Уяздовские аллеи. Томек думал, что если не воспользуется теперь великолепным случаем, то дома тетя Янина, как всегда, найдет тысячу причин, чтобы никуда больше его не пустить.

Томек долго раздумывал о том, как лучше провести время, но никак не мог принять окончательное решение. Обмануть тетку было нелегко. Ежедневно после прихода детей из школы она внимательно расспрашивала их о том, что задано, вызывали ли их и какие отметки поставили учителя; почти всегда такая беседа кончалась словами: «А теперь покажите-ка ваши дневники!»

Если дети пытались обмануть ее и в дневнике стояла не та отметка, какая была названа, происходил длинный разговор. За опоздание из школы тетка наказывала так же, как и за плохие отметки.

Дети тети Янины – Ирена, Збышек и Витек – с детства привыкли к суровому характеру матери и легче мирились с ее требовательностью. А вот Томек не умел даже притворяться раскаявшимся, как это делали они. Поэтому тетка наказывала его чаще, чем их.

У тети Янины были причины для того, чтобы обращать серьезное внимание на Томека. После смерти матери Томек остался, по сути дела, круглым сиротой, и кто знает, что бы с ним произошло, если бы не Карские, взявшие его на воспитание. Мама Томека умерла через два года после бегства за границу мужа, спасавшегося от царских жандармов. Тетя Янина хорошо помнила трагедию сестры и как огня боялась всякой политики. Ведь за участие в политических заговорах человек в лучшем случае попадал в Сибирь.

К ее неудовольствию, Томек считал своего отца героем и в мечтах стремился подражать ему во всем. От отца он унаследовал способности и любовь к науке. Подобно отцу, он особенно интересовался географией. Почти все свободное время он посвящал чтению разнообразных книг с описанием чужих стран, их населения, природы, а если ему попадала в руки книга польского путешественника и открывателя, то Томек не мог от нее оторваться, пока не прочитывал всю. Он больше, чем его сверстники, знал о трагической истории Польши, которая вот уже почти сто лет находилась под игом враждебных держав³. Его мама до последнего дня жизни учила Томека истории Польши, она часто напоминала ему об отце, который вынужден скрываться от преследований за то, что хотел добиться самостоятельности Польши и счастья для своей родины.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Томек нередко получал плохие отметки по истории, которую знал в другом варианте, чем ему преподносили в школе. Получая от тетки выговоры за это, он старался скрыть свое нежелание учить официальную историю, но это ему не всегда удавалось. Поскольку по всем другим предметам у Томека были хорошие отметки, классный надзиратель считал, что мальчик может, но не хочет учить историю. После каждой плохой отметки Томек получал от трусливой тети массу упреков. Очень плохо обстояло дело с последней четвертью: ему сделали выговор. И на этот раз тетя замучила его упреками и в волнении даже вскричала:

– Кончишь так, как твой отец!

Томек обиженно спросил ее:

³ В то время польские земли находились во владении трех империй: Германской, Российской и Австро-Венгерской.

– Тетя, ты на самом деле считаешь, что мой папа сделал что-нибудь плохое?

– Он вогнал в могилу твою мать, а мою сестру! – гневно воскликнула тетя.

И вот тогда Томек и тетя Янина неожиданно были поражены. Дядя Антоний, обыкновенно спокойный, корпящий над своими бухгалтерскими книгами, вдруг яростно швырнул на стол ручку и, пожалуй, впервые за всю свою жизнь обратился к жене в повышенном тоне:

– Когда ты наконец перестанешь мучить бедного парня? Почему ты хочешь уничтожить в нем то, что есть у него лучшего?

От неожиданности тетя онемела, а Томек очень удивился. Впрочем, все успокоились быстро, потому что дядя, поправив нервным движением очки на носу, снова взялся за свою работу. С этого времени тетя полностью изменила свое отношение к Томеку. Она перестала требовать от него хороших отметок по истории, но со всей суровостью стремилась ограничить его пребывание вне дома. Вот почему прогулки по городу и уроки верховой езды были для Томека таким большим искушением.

Томек стоял на площади Трех Крестов и думал. Если он вернется домой сейчас, ему придется сразу же сесть за уроки, а потом надо будет помочь двоюродным братьям. Скука ужасная! Как было бы хорошо пойти в Ботанический сад! Что же делать? Во время этих сложных размышлений и борьбы с самим собой ему неожиданно пришла в голову великолепная идея: пусть судьба решит, что делать!

Он направился к ближайшему уличному фонарю, считая шаги и приговаривая:

– Прогулка, дом, прогулка, дом, прогулка, дом, – и, к своей великой радости, остановился около фонаря на слове «прогулка».

Томек вздохнул с облегчением, благодаря судьбу за столь удачное решение сложной проблемы. Он быстрыми шагами пошел вдоль Уяздовских аллей.

Он не заметил, как очутился в Ботаническом саду, и скоро совсем забыл о неприятностях, ожидавших его дома. Томек сел в тихом уголке. Опыняющий запах цветов и веселое щебетание птиц располагали к мечтам. Обыкновенно в такие минуты Томека охватывала тоска по почти незнакомому отцу. Он закрывал глаза... В воображении ему виделся неясный образ высокого мужчины, лица которого он совершенно не помнил. Томек не знал даже, где его отец находится и что сейчас делает. Тетя Янина тщательно скрывала от Томека эту тайну. Письма от отца приходили очень редко, но регулярно; два раза в год почтальон приносил тете повестку на Главный почтамт. После каждой такой повестки тетя покупала детям новые костюмчики. Это был знак, что отец Томека прислал деньги.

Супруги Карские относились к Томеку так же, как к своим детям. Единственное различие было в том, что Томек посещал частные уроки английского языка у англичанки, поселившейся в Варшаве. Плата за обучение иностранному языку была столь велика, что дядя Антоний, конечно, не мог расходувать на это свои деньги. Поэтому Томек был убежден, что английский язык он изучает по требованию своего отца. Желая сделать ему приятное, он учился очень прилежно. Упорно зубря английские слова, он думал: «Пусть знает, как я его люблю».

Теперь, сидя на скамейке в парке, он вел в мечтах беседу с отцом, представив себе, что они встретились. Конечно, беседа должна вестись на английском, ведь отцу будет интересно узнать, сумел ли сын выучить этот язык. Поэтому Томек сам задавал себе вопросы и отвечал на них, выискивая в словаре трудные слова, и совершенно не заметил, как прошло три часа. Тем временем аллеи сада заполнились людьми. В конце концов погруженный в глубокое раздумье, Томек очнулся.

«Пожалуй, уже очень поздно, – подумал он. – Тетя Янина опять будет сердиться...»

Томек с неохотой стал мысленно перебирать идеи возможного наказания. Нечаянно его взгляд задержался на зеленых кустарниках.

– Ах, раз уж судьба предсказала мне прогулку, так пусть предскажет, буду ли я наказан, – решил Томек и сорвал веточку. Срывая листки, он повторял: – Накажут, не накажут, накажут, не накажут...

Томек повеселел, бросая на землю последний листок. Получилось, что наказания не будет. Он подумал: «А почему не будет? Ведь тетя всегда обращает большое внимание на пунктуальное возвращение из школы. Может быть, у тети заболела голова? – размышлял Томек. – Если она легла и заснула, то, конечно, наказания не будет. А может быть, пошла за покупками и не спросит, вернулся ли я вовремя?»

Томек решил убедиться в правильности предсказания и поспешил домой. Мокотовская улица недалеко, и, вскоре очутившись у дверей дома, он остановился в нерешительности. Что будет, если гадание неверно? Томек не любил, когда тетя волновалась из-за него. Но дольше терпеть неизвестность он не мог. Томек быстро прошел через подъезд и остановился в конце внутреннего двора. Посмотрел на обычно темные окна третьего этажа и почувствовал беспокойство. В зале горел яркий свет. Это был явный признак того, что в квартире тетки происходят необыкновенные события. Значит, наказание не минует его?

«Плохо, а и в самом деле плохо, – испугался Томек. – Значит, гадание ни к чему. Ну конечно, ведь сегодня суббота, а тетя всегда говорила, что всякого рода гадания и сны исполняются только по понедельникам, средам и пятницам. Как же я не вспомнил об этом раньше!»

Томек, готовый к самому худшему, опустив голову, медленно побрел на третий этаж. Нажал на кнопку звонка. Дверь отворила двоюродная сестра Ирена.

– Где ты был так долго? – спросила она повышенным тоном.

Томек махнул рукой и пробормотал:

– Судьба сыграла со мной плохую шутку. Я совсем забыл, что сегодня суббота...

– Что ты плетешь? – нетерпеливо воскликнула Ирена.

– Тетя очень сердится? – спросил Томек, не обращая внимания на ее слова.

– Не знаю, она уже три часа сидит, запершись в зале вместе с отцом и каким-то таинственным гостем.

Томек облегченно вздохнул всей грудью. У него сразу же улучшилось настроение. Значит, гадание на листьях оказалось самым верным способом узнать будущее.

– А где Витек и Збышек? – обратился он к девочке, заинтересованный ее возбуждением.

– Подглядывают в замочную скважину, – быстро разъяснила Ирена.

– Они за это получают, если тетя заметит. Что, разве они никогда не видели гостей? Ты тоже, наверное, подглядывала?

– Эге! Ты, Томек, сегодня что-то очень важничаешь! – ответила с неудовольствием сестра. – За это ты ничего больше от меня не узнаешь!

– Все равно ты не выдержишь, поэтому лучше сразу расскажи о том, что знаешь!

– Сейчас ты нас попросишь, чтобы записали тебя в очередь подглядывать в замочную скважину, как только узнаешь, что это вовсе не обыкновенный гость. Едва он вошел в переднюю, как прямо так и запахло настоящими джунглями.

– Может, это у него духи такие? – шутливо сказал Томек.

– Ты дурак! – возмутилась Ирена. – Дело совсем не в запахе. Он выглядит так, как будто только что вернулся из самого центра Африки.

– Что же было дальше? – спросил Томек.

– Гость что-то сказал маме, она чуть не упала в обморок и позвала: «Антось, Антось! Иди скорее сюда, у нас необыкновенный гость!» Потом они втроем заперлись в зале и до сих пор беседуют.

Томек побледнел. Он выронил из рук ранец. Его взволновала неожиданная мысль.

– Ира, ты хорошо знаешь, кто это? – спросил Томек с глубоким волнением.

– Я же тебе сказала, что не знаю. Но вижу, что ты тоже очень заинтересовался нашим гостем!

Томек подавил волнение. Он подумал, что если бы это был его отец, то дядя и тетя не скрыли бы это от детей. Поэтому он посмотрел на Иру с притворным равнодушием и сказал:

– Любопытство любопытством, но подслушивать и подглядывать в замочную скважину очень некрасиво. Но если вы уже этим занимаетесь, то будет лучше, если гнев тетки обратится на нас всех.

– Лицемер! Давай не терять драгоценного времени, – улыбнулась Ирена. – Отнеси ранец в комнату, и идем на наш наблюдательный пост.

Они на цыпочках вошли в столовую. Збышек, наклонившись, смотрел в замочную скважину. Витек, стоя рядом с ним, сделал вошедшим знак рукой, чтобы они подошли.

– Что там происходит? – тихонько спросила Ирена.

– Мама плачет, а папа ходит по комнате, размахивает руками и говорит. Гость слушает, сидя в кресле! Вот теперь он заговорил! – сообщил Збышек.

Томек тронул его за плечо и знаками дал понять, что хочет посмотреть в замочную скважину. Збышек нетерпеливо отмахнулся, требуя, чтобы ему не мешали. В раздражении Томек схватил его за ухо и оттянул от двери. Наклонился сам и зажмурил левый глаз, чтобы лучше видеть. В кресле сидел высокий мужчина. На загорелом лице блестели большие светлые глаза. Он что-то говорил плачущей тете. Томек хотел во что бы то ни стало услышать слова гостя. Он прижал ухо к замочной скважине.

– Не лучше ли позволить мальчику самому принять решение? – спросил незнакомец.

Вдруг Томек зашипел от боли и ударился головой о дверную ручку. Испугавшись, отскочил от двери, а Збышек, все еще держа в руках шпильку, которой он уколол Томека, сразу же прильнул глазами к скважине. Прежде чем Томек сумел отомстить, Збышек, получив удар по голове створкой двери, растянулся на полу. На пороге стоял дядя Антоний.

– Что здесь происходит? – сказал он. – Ирена, займись ребятами, а ты, Томек, поскольку уже вернулся домой, иди к нам в зал.

Томек робко вошел в комнату. По-видимому, здесь его все же ожидало наказание. На всякий случай он остановился недалеко от двери. Несмотря на опасение, он с интересом взглянул на таинственного гостя и сказал:

– Добрый вечер!

– Пожалуйста, вот наш воспитанник Томаш Вильмовский, – сказал дядя Антоний и, обращаясь к мальчику, добавил: – Томек, это друг твоего отца, Ян Смуга, он приехал к тебе с весточкой от него.

– Друг моего папы! – воскликнул Томек и отвернулся, чтобы скрыть слезы, набежавшие на глаза.

Смуга подошел к нему. Не говоря ни слова, обнял и привлек к себе. Долгое время в комнате царил тишина. Потом гость взял Томека за руку, посадил в кресло рядом с собой и сказал:

– Что за приятное разочарование! Твой отец рассказывал о тебе как о совсем маленьком мальчике. А ты, Томек, уже взрослый парень, притом, по словам тети и дяди, даже герой. Твой отец, безусловно, будет этому рад. Ты догадываешься, почему он прислал меня, вместо того чтобы приехать самому?

Услышав похвалу, Томек просиял. Однако мужественно победил волнение и ответил:

– Я догадываюсь. Отцу пришлось бежать, чтобы его не арестовали за участие в заговоре против царя. По всей вероятности, ему грозит такая опасность и теперь.

– Это правда, Томек. Если бы он вернулся в Польшу, то был бы арестован. Поэтому он не может приехать к тебе.

– Я это знаю.

– Ты хотел бы увидеть отца?

Услышав о возможности увидеть отца, по которому он так тосковал, Томек в первый момент прямо-таки ошеломлен от волнения. Потом обрадованно вскричал:

– Ах, как бы я хотел увидеть папу! Я даже придумал уже способ, но только...

– Что «только»? – подхватил Смуга, внимательно наблюдая за мальчиком.

– Только я пожалел тетю и дядю, – закончил Томек.

– Я не понимаю, что это за способ, который ты придумал; может быть, ты объяснишь?

Томек колебался немного, взглянул на тетку, которая, видя его нерешительность, улыбнулась ему и поощрительно сказала:

– Наш гость – друг твоего отца, Томек. Он приехал к тебе от него. Если он спрашивает, надо искренне отвечать.

– Может быть, это и не очень умно, но я хотел совершить что-нибудь такое, после чего мне тоже надо было бы бежать за границу, – быстро ответил Томек, убедившись, что тетя совсем не сердится на него.

– Ого, это очень интересно. Что же ты хотел сделать? – спросил заинтересованный Смуга.

– Я решил на классной доске написать: «Долой тирана-царя». Я думал, что меня могут арестовать и у меня была бы причина к бегству.

– И ты бы это сделал, Томек? – с ужасом воскликнула тетя.

Смущенный Томек с трудом овладел собой и, покраснев, ответил:

– Я даже это уже сделал, тетя, когда подлизы Павлюка случайно не было в классе. Правда, когда в класс вошел надзиратель, я быстро стер надпись с доски. Я вдруг вспомнил, что мог бы свести тебя в могилу, как папа свел маму...

Тетка онемела, а Смуга спокойно спросил:

– Кто это тебе сказал, что твой отец свел маму в могилу?

– Тетя Янина, – пробормотал Томек, чувствуя, что сморозил глупость.

Смуга взглянул на Карскую. Та заплакала. И только спустя некоторое время сказала, как бы оправдываясь:

– Я же вам говорила, как я боюсь за мальчика. Он чересчур развит для своих лет и в самом деле слишком много думает о политике. Вот у вас теперь прямое доказательство!

– Вот что, моя дорогая, Анджей очень благодарен вам за воспитание Томека, – ответил Смуга, – все же надо помнить, что жена Анджея была очень заинтересована в политической деятельности мужа. Когда появилась угроза ареста, она поддержала проект его бегства за границу. Ведь ее мужу в самом лучшем случае грозила ссылка в Сибирь... Перед тем как явиться к вам, я беседовал с прежним приятелем Анджея. Он нас утвердил в убеждении, что приезд Анджея в Польшу все еще невозможен. А то, что нам Томек сказал о своих планах, кажется мне, может вас убедить в том, что лучше и даже... безопаснее для вас принять предложение отца.

Тетя Янина закрыла лицо руками. Молчавший до сих пор дядя Антоний встал и подошел к мальчику.

– Томек, мы хотим у тебя кое-что спросить, но, прежде чем дать ответ, подумай хорошенько. Ты слышал, что твой отец не может приехать сюда из-за опасности ареста, который ему грозит. Но он очень тоскует и ждет встречи с тобой. Мы, конечно, тебя очень любим, мы тебя воспитывали наравне с собственными детьми... Нам трудно смириться с мыслью, что ты покинешь нас и уедешь так далеко. Но мы желаем тебе добра. Поэтому, имей в виду, что если ты даже решишь уехать к отцу, то всегда можешь вернуться к нам как в собственный дом. Ведь ты у нас умница. Мы решили предоставить тебе право выбора. Скажи сам, хочешь ли ты остаться с нами или предпочитаешь поехать к отцу?

Мысль о том, что он вскоре увидит отца, о котором тосковал все эти долгие годы, взволновала Томека и наполнила все его существо радостью. Но он привык считать дядю и тетю своими близкими родными. Ведь они его так любили. Вот тетя непрерывно трет глаза платком, а обыкновенно молчаливый дядя обратился к нему прямо-таки с большой речью, которую произнес с волнением.

Томеку трудно было принять решение сразу. Что им сказать? Он обратился к Смуге:

– Вы уверены, что папа позволит мне приехать к тете и дяде, если я захочу их посетить?

– Я в этом совершенно уверен, – серьезно ответил Смуга.

– Если папа тоскует по мне, то я очень хотел бы к нему поехать, а к тете я буду часто приезжать, – решил Томек.

Хагенбек (Хагенбек), Карл (1844–1913) – немецкий дрессировщик, зоолог, коллекционер диких животных, основатель зоопарка в Штеллингене около Гамбурга – первого в мире, в котором животным были созданы естественные природные условия. В 1908 г. выпустил книгу «О зверях и людях», в которой подробно рассказал о выстроенной им новой системе акклиматизации и содержания диких животных в зоопарках и зоосадах.

Тетя Янина вновь расплакалась, потом обняла Томяка и, вытирая глаза носовым платком, вышла из комнаты, чтобы распорядиться насчет ужина. Ирка, Витек и Збышек, узнав о скором отъезде Томяка к отцу, вбежали в комнату. Поздоровавшись с гостем, старшая из детей и самая бойкая Ирка обратилась к нему:

– Скажите, пожалуйста, где сейчас папа Томяка? Ведь мы даже не знаем, куда наш братик поедет.

– По просьбе вашей мамы я не сказал об этом Томеку раньше, во время нашей беседы. Мы предпочли, чтобы это не повлияло на его решение. Теперь уже нет нужды сохранять тайну.

– В самом деле, я совсем забыл спросить об этом! – воскликнул Томек. – Такое множество необыкновенных и важных новостей сразу. Где теперь папа, скажите, пожалуйста?

– Он ждет нас в Триесте, в порту, на берегу Адриатического моря, – пояснил Смуга.

– Триест принадлежит Австро-Венгрии⁴, – заявила Ирена, довольная, что может похвастаться своими географическими познаниями.

– И мы будем там жить? – удивился Томек.

– Нет, в Триесте мы жить не будем, – ответил Смуга. – Чтобы ты все правильно понял, мне необходимо кое-что рассказать о судьбе твоего отца. После бегства за границу он очень тосковал по тебе и твоей матери. Он хотел взять вас к себе, но не успел собрать достаточную сумму денег, необходимую для этой поездки, а потом твоя мама неожиданно умерла. С этого времени отец стал путешествовать, только путешествия давали ему возможность забыть о своем несчастье. Случайно он познакомился с одним из служащих Гагенбека. Тебе надо знать, что Гагенбек владеет огромной фирмой, занимающейся поставкой диких животных в цирки и зоологические сады всего мира. Этот новый знакомый как раз собирался в длительную экспедицию в Южную Америку. Твой отец, будучи географом, решил присоединиться. С тех пор прошло уже шесть лет. За это время он стал известным охотником на диких животных. И стал большим другом того служащего фирмы Гагенбека, с которым случайно познакомился. Теперь они собираются на специально подготовленном для перевозки животных судне идти в Австралию. Гагенбек хочет основать большой зоологический парк в Штеллингене около Гамбурга. Различные животные будут жить там в условиях, очень близких к природным. Твой отец вместе со своим другом обязались привезти в этот зоопарк некоторых животных из Австралии.

– Неужели я тоже поеду в Австралию? – недоверчиво спросил Томек.

– Да! Ты вместе с отцом поедешь в Австралию ловить диких кенгуру.

Томек остолбенел от этой удивительной вести. То, что он услышал, превышало все его самые сокровенные мечты.

Витек и Збышек слушали слова гостя с открытыми от удивления ртами.

Только Ирена догадалась задать гостю вопрос:

– Скажите, а кто такой этот друг папы Томека?

– Не догадываешься? – вопросом на вопрос ответил Смуга.

– Это, конечно, вы! – с триумфом заявила Ира. – Как только вы вошли в прихожую, я сразу почувствовала запах джунглей. Именно так я и воображала себе великих путешественников.

⁴ Австро-Венгерская монархия возникла в 1867 г. в результате соглашения Австрии и Венгрии. В ее состав вошли Австрия и Венгрия под скипетром одного императора. Город Триест принадлежал Австрии с 1813 по 1918 г.

III. Встреча с отцом

Несколько дней спустя после визита неожиданного гостя Томек находился словно во сне; ему казалось, что он вот-вот проснется и вернется к повседневной серой жизни. Томек с трудом мог поверить в то, что его ожидают столь разительные перемены! Несмотря, однако, на опасения, Смуга не исчезал. Наоборот, Томек постоянно чувствовал его присутствие и дружеское попечение.

Оказалось, что Смуга принадлежит к числу весьма предприимчивых людей. Благодаря его энергии Томек уже через три дня получил документы, необходимые для поездки за границу. Правда, это потребовало больших стараний и значительных расходов, но новый наставник Томека, казалось, с этим совсем не считался. На упреки Карских в излишней расточительности он с улыбкой отвечал, что содержание в Триесте судна со всем экипажем, ожидающего их приезда, обходится значительно дороже, чем дополнительные расходы, связанные с ускорением срока отъезда. По-видимому, путешественник пользовался немалым влиянием, если даже директор гимназии Мельников не только не препятствовал, но даже помогал ему. Еще до окончания учебного года Томеку выдали свидетельство о переводе в следующий класс.

Динго достигает величины овчарки среднего роста. Тело его приземистое, голова большая, с тупой мордой, стоячие уши на конце закругленные, ноги короткие; не очень густой мех – бледно-желтовато-рыжего цвета. Считаясь врагом домашних животных, особенно овец, динго усердно преследуется колонистами и потому, наученный горьким опытом, всячески избегает человека. По образу жизни и привычкам он напоминает более

лисицу, нежели волка; днем прячется, а ночью выходит на добычу небольшими сворами, вероятно одной семьей. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

Несмотря на блестящие перспективы, открывшиеся перед Томеком, дядя Антоний и тетя Янина не скрывали беспокойства о будущей судьбе мальчика, которого они привыкли считать своим сыном. Особенно переживала тетя: она заламывала руки и плакала, когда Смуга по просьбе Томека и его двоюродных братьев рассказывал об условиях жизни в далекой и так мало известной Австралии.

Рассказы путешественника о пятом континенте для горожан, выросших в Варшаве, звучали устрашающе. И правда, как можно сравнить тихие улицы родного города с сожженными испепеляющим солнечным жаром необозримыми австралийскими скрэбами⁵, густыми чащами колючих кустарников, дебрями дремучих лесов, высохшими руслами рек, после дождей молниеносно заполняющимися ревущими потоками воды, а спокойную смену времен года с песчаными бурями и резкими колебаниями температуры? А невиданный животный мир – дикие собаки динго, кенгуру, птицы эму – и множество других, совершенно неизвестных в Европе чудес и опасностей угрожали Томеку во время его путешествия.

Тетушкины опасения и неприкрытое восхищение рассказами Смуги, появлявшееся в глазах братьев и сестры, приводили к тому, что Томека прямо-таки распирало от гордости. И все же по мере приближения дня отъезда он с тоской и иногда даже со страхом думал о расставании со всем, что ему до сих пор было дорого.

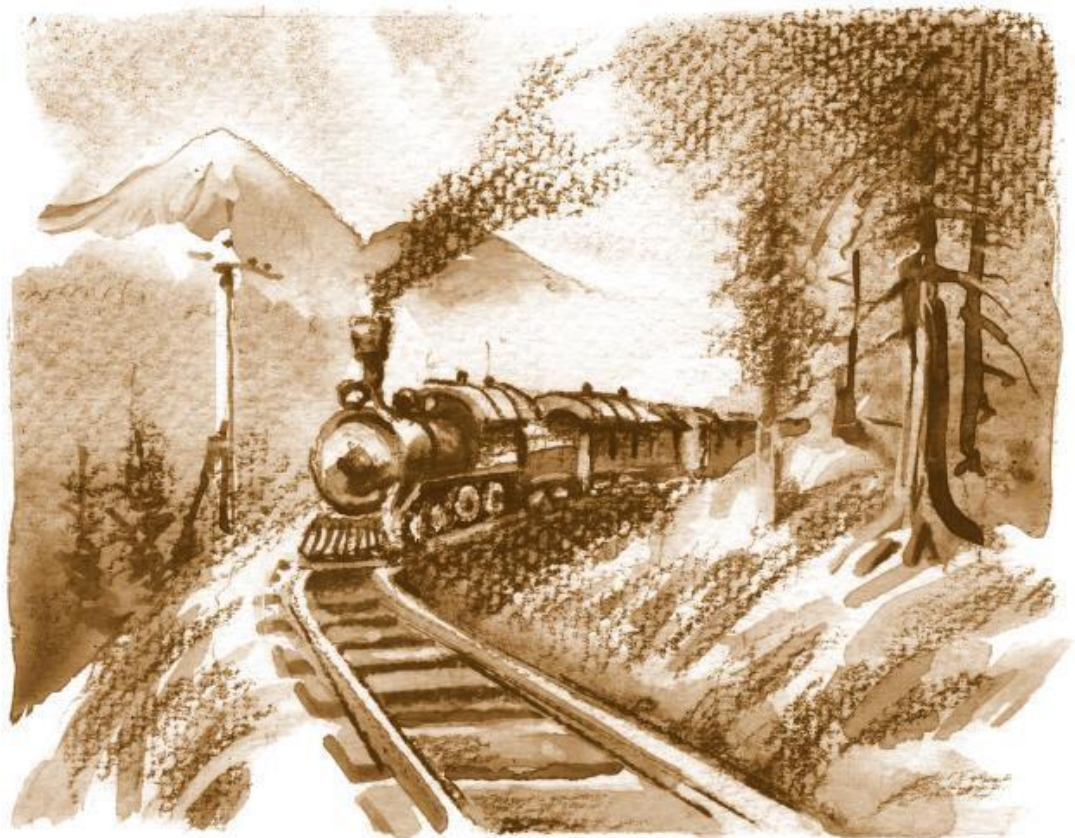
⁵ Английское название австралийских степей.

Косцюшко (Костюшко), Тадеуш Анджей Бонавентура (1746–1817) – национальный герой Польши. Участник Войны за независимость США (1776–1783). Руководитель польского восстания (1794), в бою был ранен, взят в плен и заключен в Петропавловскую крепость. В 1796 г. помилован Павлом I, эмигрировал в США. В 1798 г. вернулся в Европу, жил во Франции и Швейцарии.

Прощание с дядей и тетей состоялось на перроне варшавского вокзала. Томек с волнением обнял дядю Антония, который был еще молчаливее, чем всегда, и расплакался, увидев слезы на глазах тети Янины. Он долго прощался с Иреной, Збышекком и Юреком Тымовским, пришедшим проводить его вместе со своим отцом. Заняв место в вагоне, мальчик внезапно почувствовал себя одиноким и всеми оставленным. Он с трудом понимал слова обращавшегося к нему Смуги. В первые часы путешествия был рассеян и даже не смотрел на других пассажиров, находившихся в вагоне. Оживился Томек только на границе, когда Смуга шепнул ему, что теперь он не скоро увидит ненавистные мундиры царских жандармов. Через два часа они прибыли в Краков, где Смуга решил остановиться на короткий отдых. Здесь Томек избавился от гнетущего чувства тоски. С волнением смотрел издали на Вавельский замок – древнюю рези-

денцию польских королей, – в котором разместились казармы австрийской кавалерии⁶, возшел на величественный курган, насыпанный соотечественниками в память Косцюшко, польского национального героя, ознакомился со многими памятниками старины, сохранившимися в городе – колыбели польской культуры.

Отдохнув два дня, Томек со Смугой выехали поездом в Вену. Огромный чужой город, кипящий жизнью и движением, привел Томека в радостное настроение, он повеселел, к нему вернулась его всегдашняя смелость.

Обрадованный хорошим самочувствием молодого товарища по путешествию, Смуга решил заночевать в Вене. Таким образом, в поезд, направлявшийся в Триест, они сели только утром следующего дня.

Сначала Томек смотрел в окно мчащегося поезда с большим интересом, ведь они ехали по одной из самых живописных в Европе железных дорог. Дорога то извивалась на крутых поворотах горной трассы, то взбиралась на склоны гор, то пропадала в темных туннелях, то повисала на мостах, переброшенных через пропасти, и мальчик любовался постоянно меняющимся живописным пейзажем.

Через несколько часов езды Томек, пресытившись великолепным ландшафтом, засыпал Смугу бесчисленным множеством вопросов. Во время этой долгой беседы ему удалось получить необыкновенно важные сведения.

Во-первых, он окончательно убедился, что отец ждет его в Триесте и что Смуга послал ему телеграмму с сообщением о времени их приезда. Во-вторых, он узнал, что они пойдут

⁶ После третьего раздела Польши (1795) город Краков, древняя столица Речи Посполитой, отошел к Австрии. В начале XX века Варшава находилась в Российской империи, а Краков – в Австро-Венгерской.

в Австралию на старом углевозном судне водоизмещением в две тысячи тонн, которое уже изъято из регулярного плавания. Фирма Гагенбека купила это судно за бесценок с аукциона и отремонтировала его на верфях Триеста. Паровое судно приспособили для перевозки диких зверей. И вот теперь прежний углевоз должен двинуться в свой первый рейс в качестве плавающего зверинца.

Кроме этого, Томек узнал много полезного об австралийской фауне. Например, то, что сумчатые млекопитающие⁷, принадлежащие ко второму классу млекопитающих, это не только длинноногие прыгуны – кенгуру. К этой группе принадлежат животные весьма разнообразные по внешнему виду и образу жизни. Среди сумчатых есть плотоядные, то есть питающиеся мясом позвоночных животных, есть насекомоядные и травоядные. Одни из них передвигаются, прыгая, подобно кенгуру, другие бегают, лазают; есть и такие, которые живут в норах, подобно нашим кротам.

Характерная черта всех сумчатых – это сумка на животе у самок, в которой скрыты молочные соски. Все сумчатые относятся к живородящим животным и потомство выкармливают молоком. Таким образом, они принадлежат к классу млекопитающих. Сумчатые⁸ уже давно исчезли на всех континентах, но в Австралии еще сохранилось около ста шестидесяти видов этих интересных животных.

Томек очень заинтересовался также живущими в Австралии первозверями, или, как их еще называют, клоачными, которые хотя и принадлежат к млекопитающим, но по строению пищевода и мочеполовых органов весьма похожи на птиц, земноводных и пресмыкающихся. Первый подкласс млекопитающих делится всего на два семейства: утконосы и ехидны.

⁷ Млекопитающие (*Mammalia*) в классификации делятся на три подкласса. Из них к первому подклассу принадлежат первозвери (*Monotremata* или *Prototheria*), а сумчатые – ко второму подклассу низших зверей (*Marsupalia*). Третий класс – высшие звери.

⁸ Кроме Австралии и соседних островов, сумчатые обитают еще в Северной и Южной Америке. Впрочем, там водятся только семейство так называемых сумчатых крыс – ночных животных, ведущих скрытный образ жизни. Наиболее известный представитель сумчатых крыс – североамериканский опоссум (*Didelphys Virginiana*).

Приплюснутое тело его **〈утконоса〉** похоже на тело выдры или бобра, но значительно меньше: оно имеет в длину около 60 см, из которых 14 приходится на плоский широкий хвост. Ноги очень короткие, оканчиваются пятью пальцами и снабжены длинными плавательными перепонками, которые на передних ногах могут отодвигаться назад, когда животное роет; пальцы вооружены крепкими когтями, а на задних ногах у самца имеются, кроме того, острые подвижные шпоры. Голова мала и спереди переходит в широкий, совершенно утиный клюв. Челюсти покрыты роговой кожей и снабжены четырьмя роговыми зубами; роговые зубы имеются также на коже языка. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

Томек без усталости расспрашивал Смугу о диких и хищных собаках динго, о рыбах, дышащих одновременно жабрами и легкими, о птицах лирохвостах и о многих других интересных животных.

Рассказы путешественника, хотя были не очень детальными, очень взволновали Томека. Он стал расспрашивать Смугу о жителях Австралии, о климате и других особенностях континента. Отвечая на град сыпавшихся вопросов, Смуга почувствовал сначала легкую усталость, потом у него запершило в горле, а затем стало клонить ко сну. Вскоре он действительно заснул, прервав речь на полуслове. Смуга сидел напротив Томека и, несмотря на очень неудобное положение, спал уже по крайней мере целый час. Томек сначала смотрел на него с упреком. Он не мог понять, как это можно так, вдруг, ни с того ни с сего, заснуть во время интереснейшей беседы. Потом он успокоился и стал с любопытством наблюдать за смешными движениями головы и туловища спящего спутника.

«Если папа спит так же крепко, как Смуга, то в Австралии мы проживем не долго, – заключил в конце концов Томек, – можно ведь заснуть где-нибудь в лесу или пустыне и проснуться в желудке диких динго. Придется мне дежурить».

Знаменитая **муха цеце** (*Glossina mor sitans*), которая обитает в Центральной Африке, считается страшным врагом местных жителей и домашних животных. Своим острым хоботком она легко прокусывает даже кожу животных и пьет кровь. При этом она отличается назойливостью и не отстает от человека и животного, к которому привязалась. Последствием ее укушения является опухоль и набухание подязычных желез. Собаки от укушения цеце легко погибают, для них даже является отравой молоко укушенной цеце коровы, между тем как теленок сосет это молоко без малейшего вреда для себя. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 3.)

Не догадываясь о том, что градом вопросов он нагнал сон на своего опекуна, Томек подобными размышлениями сокращал тянувшееся время. И действительно, охотник, который мог без отдыха и сна целыми неделями гоняться за дикими зверями, заснул от усталости, отвечая на вопросы четырнадцатилетнего мальчика.

Время шло. Смуга спал непробудным сном. А поезд тем временем приближался к Триесту. Пассажиры уже начали готовиться к выходу. Томек стал беспокоиться. Вид крепко спящего спутника вдруг возбудил у Томака ужасное подозрение. С детства Томек интересовался приключениями знаменитых путешественников. Поэтому он много знал о подстерегающих их опасностях. Смуга много путешествовал и как-то сказал Томеку, что длительное время находился в Африке. А как знать, не укусила ли его там злая муха цеце? Может быть, Смуга заболел сонной болезнью?

Томек стал вертеться, кашлять, стучать, но ничто не помогало. Смуга спал как убитый. Томек понял ужас своего положения. Если это сонная болезнь, то он не узнает отца на вокзале, ведь у него не было даже его фотографии. Однако через несколько минут лицо у него просветлело.

«Я вызову двух носильщиков и прикажу таскать спящего Смугу по перрону, – решил он. – Отец тогда, конечно, узнает нас!»

Успокоив себя этим, Томек ждал дальнейших событий. К счастью, его опасения оказались напрасными. Едва поезд уменьшил ход, Смуга открыл глаза и сразу же взглянул на часы.

– Мы уже приехали на место, – сказал он. – Я вздремнул немного. Ты не скучал, Томек?

Мальчик серьезно взглянул на своего спутника и после некоторого размышления спросил:

– Вы совершенно уверены, что во время вашего пребывания в Африке вас не укусила муха цеце?

Смуга воспринял этот вопрос как продолжение беседы, прерванной его сном, и ответил:

– Нет, муха цеце меня не укусила, но мне приходилось видеть жителей Африки, больных сонной болезнью.

– Эта болезнь заразная? – продолжал свои вопросы Томек.

– Да, но она переносится только мухами цеце.

– Вы в этом совершенно уверены?

– Почему ты об этом спрашиваешь? – удивился Смуга.

– Может быть, в Триесте вы бы все же посоветовались с врачом?

Только теперь путешественник догадался об опасениях Томака. Он расхохотался.

– Не бойся, – проговорил он сквозь приступы смеха, – я совершенно здоров. Ночуя в степи или в лесу, я сплю чутко и способен моментально проснуться даже от шелеста травы.

Томек хотел было упомянуть о возможности проснуться в желудке диких динго, но в окнах поезда показались станционные здания Триеста.

Поезд остановился у перрона. Смуга немедленно открыл окно; он внимательно осматривался по сторонам, пытаясь отыскать отца Томека. Вскоре он помахал кому-то рукой, и спустя несколько минут Томек очутился в объятиях высокого, широкоплечего мужчины.

– Наконец-то мы встретились, мой дорогой сыночек, – услышал Томек слова отца и сразу же забыл всю уже много месяцев назад подготовленную приветственную речь, которую он намеревался сказать при первой встрече с ним.

Он сумел только шепнуть, как это делал когда-то давно, маленьким мальчиком:

– Мой, мой милый папочка! – И расплакался, как маленький ребенок.

Отец тоже смахнул слезу с увлажненных глаз. Сын напомнил ему преждевременно угасшую жену, оставленную им на родине, и тяжелейший в жизни момент расставания с ней. Сжимая сына в объятиях, этот сильный, закаленный в борьбе с препятствиями мужчина с трудом подавлял волнение.

После длительного молчания он сказал:

– Все в порядке, Томек! Теперь, когда мы вместе, все несчастья остались позади.

Присутствовавший при встрече Смуга из деликатности не произнес ни одного слова. Зная немного об увлечениях Томека и желая прервать чувствительную сцену, он постарался перевести беседу на другую тему.

– Готово ли наше судно к отплытию? – спросил он.

– Полностью. Завтра снимаемся с якоря, – ответил старший Вильмовский.

– Мы сейчас пойдем на корабль? – сразу же поинтересовался Томек, стирая со щек слезы.

– Сегодня мы переночуем в гостинице, – ответил Вильмовский. – На «Аллигатор» мы погрузимся завтра с утра. А теперь приглашаю вас на обед, приготовленный на террасе гостиницы в честь нашей встречи.

Вдруг в порту, находящемся вблизи вокзала, раздался мощный, густой рев корабельного гудка. В глазах Томека засияла несказанная радость. Он крепко ухватил отца за руку. Они вышли из здания вокзала на улицу. В гостиницу поехали на извозчике.

Едва Смуга и Томек успели умыться и переодеться с дороги, как Вильмовский повел их на террасу, сплошь заставленную столиками. Отсюда открывался восхитительный вид на лазурные воды Адриатического моря.

Томек с интересом разглядывал виднеющиеся вдали мачты кораблей в порту. Он очень обрадовался, увидев, что их столик стоит у края террасы, откуда хорошо видна часть порта.

Пока официанты сервировали столик, поставленный под сенью огромного цветного зонта, отец задал сыну множество вопросов о том, что делалось в доме после его бегства.

Томек рассказал, что мама часто бывала печальна и плакала. Чтобы прокормить себя и сына, она стала давать уроки. Потом она неожиданно заболела и умерла. Он рассказал также, что мама не скрыла от него причину отсутствия отца, и похвалился при этом знанием правдивой истории Польши.

Когда Смуга рассказал, что придумал Томек совершить в школе, чтобы получить повод для бегства за границу, Вильмовский обнял сына и заметно повеселел.

Во время обеда друзья обменивались замечаниями насчет подготовки судна к путешествию.

– «Аллигатор» теперь превосходно подготовлен для перевозки животных морем, – говорил Вильмовский. – Весь экипаж уже на борту, мы готовы выйти в море в любой момент.

– Кого вы назначили капитаном корабля? – спросил Смуга.

– Ирландца, капитана Мак-Дугала. Он, пожалуй, плавал уже по всем морям и океанам земного шара. Кроме матросов, на борту находятся пять человек, присланных нам Гагенбеком для присмотра за животными.

– Все ли формальности, требуемые австрийскими властями, закончены? – продолжал свои вопросы Смуга.

– Этим занялась фирма Гагенбека, воспользовавшаяся услугами директора зоологического парка в Мельбурне, зоолога Карла Бентли. Он поедет с нами в качестве эксперта, – сказал Вильмовский. – Все документы я получил уже четыре дня назад. Мы везем в Австралию пятьдесят африканских верблюдов, слона и бенгальского тигра, которых мы должны взять на борт на Цейлоне⁹. Поэтому мы не пойдем в Австралию порожняком.

– Где в Африке нам придется погрузить верблюдов?

– В Порт-Судане.

– Это в Восточной Африке на Красном море, – немедленно добавил Томек.

– А где в Австралии их надо выгрузить? – снова спросил Смуга.

– В Порт-Огасте, – ответил Вильмовский.

– И мы там сойдем? – заинтересовался Томек.

– Да, там мы оставим судно. Слона и тигра оттуда направим по железной дороге в зоопарк Мельбурна.

– А разве верблюды не предназначены для зоопарка? – удивленно спросил Томек.

– Нет, они едут совсем для других целей. Поселенцы южной и западной части Австралии намерены использовать этих животных в качестве тягловой силы из-за их способности долго обходиться без воды, – ответил Вильмовский.

– Нельзя ли уже сегодня отправиться на борт корабля? – попросил Томек.

– Нет, нельзя, – ответил отец. – Мы должны сначала купить тебе экипировку в дорогу и еще кое-какую мелочь, необходимую в пути.

Смуга и Вильмовский занялись распределением занятий между отдельными членами экспедиции. Томек в молчании слушал их беседу, обеспокоенный отсутствием на судне соответствующего занятия для него. Смуга вскоре заметил волнение мальчика и, догадавшись о причине, сказал:

– Раз все участники экспедиции получают на судне задание, следовало бы и на Томака возложить ответственность за какое-либо дело.

– Я уже думал об этом, – ответил Вильмовский и, обращаясь к сыну, спросил: – Ты умеешь стрелять?

Томек покраснел от удовольствия. Ему польстило, что отец готов поручить ему ответственное дело, требующее умения стрелять. Но как же признаться, что в жизни ему ни разу не приходилось стрелять ни из какого оружия, кроме как из игрушечного ружья? Поэтому Томек кашлянул и пробормотал:

– А... из чего?

– Ах да... из штуцера¹⁰.

– Конечно могу, – на всякий случай подтвердил Томек, опасаясь, что иначе он будет лишен почетного задания.

– Прекрасно, – сказал Вильмовский, незаметно подмигнув Смуге. – Мы хотим поручить тебе дело снабжения экспедиции свежим мясом.

– Это значит, что я буду заниматься охотой?

– Да! Тебе это не нравится?

⁹ Остров в Индийском океане вблизи южного побережья полуострова Индостан. В 1972 г. остров и расположенное на нем государство получили название Шри-Ланка. Площадь 65 610 кв. км, население в настоящее время 21,67 млн человек.

¹⁰ Охотничье нарезное, обычно двуствольное ружье, предназначенное для охоты на крупного зверя.

– Я думаю, что... сумею, – ответил Томек, стараясь сохранить полнейшее равнодушие, хотя в роли охотника чувствовал себя очень неуверенно.

– Таким образом, дело можно считать решенным, – закончил беседу Смуга.

Они втроем пошли в город за покупками. Еще до наступления темноты Томек оказался обладателем экипировки, необходимой во время экспедиции. Он собственноручно упаковал в чемодан теплые сорочки из фланели, брюки и прочные ботинки со шнуровкой и с высокими голенищами, которые должны предохранить ноги от возможных укусов ядовитых змей, столь многочисленных в Австралии.

По словам отца, остальные вещи уже находятся в каюте на корабле.

Желая в последний раз перед длительным морским путешествием хорошенько выспаться на суше, они рано легли. Томек, несмотря на обилие впечатлений, полученных им в течение знаменательного дня встречи с отцом, заснул моментально. Ему всю ночь снилась охота на кенгуру и динго. Во сне он спасал экспедицию от голодной смерти в скрэбах и саваннах Австралии и даже послал в Варшаву тете Янине жареное мясо дикого динго.

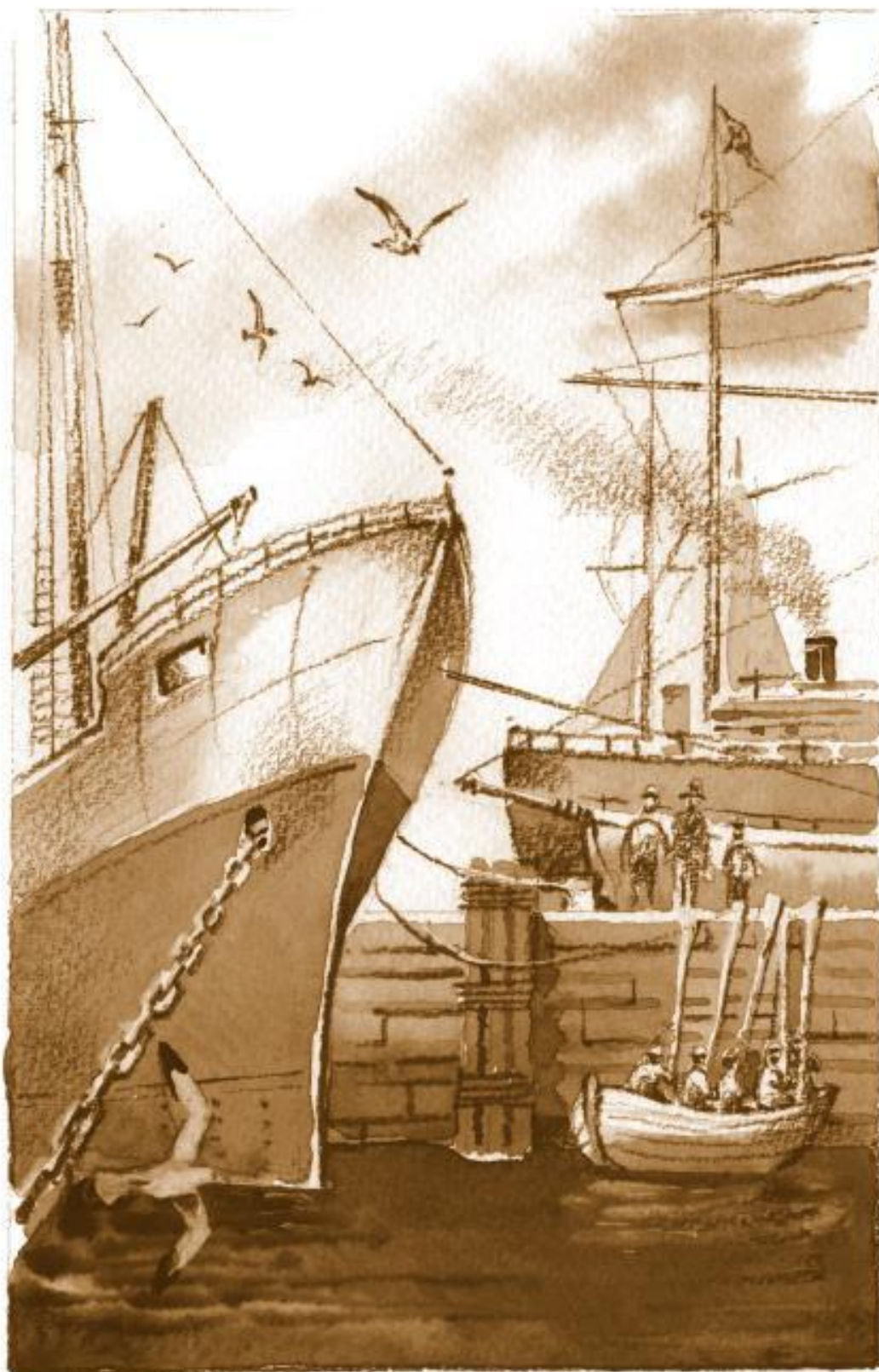
Если Томек спал хорошо, переживая во сне множество героических приключений, то отец, наоборот, долго не мог заснуть. Воспоминания, вызванные приездом сына, лишили его покоя. Слишком много забот и несчастий постигло его в жизни. Ему пришлось покинуть родину, он потерял горячо любимую жену и остался одиноким. Вдруг Томек что-то пробормотал сквозь сон, и Вильмовский вспомнил, что он наконец встретился с сыном, по которому столько лет тосковал. Он сразу почувствовал себя лучше и счастливее, ведь сын теперь с ним и им больше не грозит разлука! Завтра они поедут в Австралию, а поездка туда, по мнению Вильмовского, не грозит никакими опасностями. Потом Томек окончит школу в Англии. Во время каникул они будут вместе и совершат не одну экспедицию. «Мой сын будет счастливее меня в жизни», – думал Вильмовский.

IV. Сюрпризы на «Аллигаторе»

Было раннее утро, но на улицах Триеста уже господствовало оживленное движение. Извозчик, который вез Томека с отцом и Смугой, с трудом пробивал себе дорогу среди множества других экипажей.

Томек впервые очутился в портовом городе. Он с интересом смотрел на целый лес корабельных мачт, усеявших большой залив. Скрип кранов, при помощи которых загружались корабли, команды и крики матросов сливались в непрерывный гул. Шум, суeta, вид огромных морских кораблей поразили мальчика и наполнили его страхом перед большим, до сих пор незнакомым ему миром. Томеку показалось, что он всего лишь маленькая пылинка среди огромных несущихся великанов, которые готовы безжалостно раздавить его своими большими лапами. Далекая Варшава, город во много раз больший, чем Триест, теперь казалась ему самым безопасным уголком мира. Томек внезапно понял, почему тетя Янина так боялась отпустить его в чужой мир.

«Если уже здесь так страшно, то что же говорить о пребывании в необозримом море и о том, что ждет меня в далекой, незнакомой Австралии?» – думал Томек.

Томек вспомнил учителя географии, который говорил об огромных, но не дающих тени австралийских лесах, о безводных пустынях, о черных людях, охотящихся и воюющих с помощью грозных в их руках бумерангов¹¹.

Представив, таким образом, все ожидающие его опасности, Томек даже побледнел от страха. Но когда он решил, что нет для него спасения, внезапно почувствовал на своем плече теплую руку отца и услышал его голос:

– Это только вначале все кажется таким необыкновенным и страшным, Томек. Через несколько недель ты так привыкнешь к новым условиям, что будешь чувствовать себя как рыба в воде.

Томек с удивлением взглянул на отца. Потом посмотрел на Смугу. Они ободряюще улыбались, будто знали его скрытые страхи.

«Какой же я глупец! – подумал Томек. – Ведь я не одинок!» Томек сразу же повеселел.

– А как мы найдем «Аллигатора» среди множества стоящих здесь судов? – спросил он.

– «Аллигатор» стоит на якоре в глубине залива, – ответил отец. – Через несколько минут мы подъедем к катеру, ожидающему нас на пристани.

Действительно, вскоре извозчик повернул к набережной.

– Приехали, – сообщил Вильмовский.

Захватив с собой вещи и пройдя буквально несколько шагов, они увидели широкоплечего моряка, который, расталкивая людей, толпившихся на пристани, быстро подошел к ним.

– Здравствуй, Анджей! Приветствую вас, Смуга! – обратился он по-польски. – Вижу, что наш варшавянин уже прибыл!

Вильмовский и Смуга поздоровались с моряком, мощным мужчиной с загорелым и обветренным лицом.

– Томек, познакомься с нашим боцманом Тадеушем Новицким, – сказал Вильмовский.

Рука Томека на момент исчезла в широкой, мозолистой ладони боцмана, который, не теряя времени, отобрал у него чемодан. Взяв Томека за руку, он повел его по направлению к пристани.

– Ну, браток, так ты только вчера приехал из Варшавы? – с грубоватой фамильярностью спросил боцман, когда они оказались в той части мола, где толпа была реже.

– Да, совершенно верно, – подтвердил Томек.

– А скажи мне, пожалуйста, когда ты был последний раз в парке Лазенки?

Томек немного подумал, потом ответил:

– Ровно пять дней назад, перед самым отъездом я ходил в Лазенки полюбоваться лебедями.

– Ты очень любишь Лазенки и лебедей?

– Очень люблю! Я уходил из дому, чтобы в одиночестве побродить по парку и Ботаническому саду. Мне не раз за это попадало от тети!

– Так, брат, мы с тобой два сапога пара! Я охотно послушаю новости из нашей милой старой Варшавы. Ведь я не был дома уже несколько лет!

– А вы тоже из Варшавы? – удивленно спросил Томек.

– Прежде я жил в Варшаве на Повислье, братец! Поверь, что, хотя ты увидишь во время шатания по свету множество разных чудес, такой реки, как Висла, и такого города, как Варшава, не встретишь нигде.

Томек, сам не зная почему, почувствовал вдруг огромную симпатию к великану-боцману. Не задумываясь ни на секунду, он сказал:

¹¹ Изогнутая пластина толщиной около 1 см с нижней плоской поверхностью и верхней – выпуклой, употребляется австралийцами в качестве оружия. При некотором навыке бумеранг можно бросить так, что он, если не попадет в цель, возвратится к метателю.

– Перед отъездом из Варшавы я купил несколько открыток с видами города. И с удовольствием поделюсь с вами.

– Это замечательно, что мы с тобой встретились, – весело ответил великан-боцман. – Такому подарку я буду рад больше, чем бутылке самого лучшего рома.

Беседуя так, они подошли к краю пристани, где их ожидала большая лодка с четырьмя матросами, державшими весла в руках. Боцман посадил Томека рядом с собой у руля, и они сразу же отчалили.

По дороге Томек внимательно читал названия кораблей, надеясь увидеть «Аллигатор». Не находя своего корабля, он обратился к боцману:

– Скажите, отсюда можно увидеть наш корабль?

– Посмотри-ка на судно, стоящее там, на рейде, из его трубы валит дым, словно из кратера Везувия¹², – сказал боцман. – Это и есть наш «Аллигатор».

Томек взглянул в указанном направлении. Он увидел паровое судно, не очень большое, если сравнить его с океанскими кораблями, стоявшими в порту. Лодка быстро приближалась к «Аллигатору». С его борта на таях¹³ были спущены канаты, к которым привязали лодку. Потом к лодке спустили веревочную лестницу, или, по-морскому, трап.

¹² Действующий вулкан в Южной Италии, на берегу Неаполитанского залива. Высота вулкана – 1281 м.

¹³ Ручное или механическое подвесное грузоподъемное устройство.

Поощряемый боцманом, Томек первым вошел на борт по качающимся ступенькам трапа. Едва он коснулся ногами палубы корабля, как к нему подошел низкий, худой мужчина с дымящейся трубкой в зубах.

– Если не ошибаюсь, то я имею честь видеть молодого охотника на диких зверей. Мы тебя ждали еще вчера, – обратился к Томеку мужчина, вынимая трубку изо рта. – Моя фамилия – Мак-Дугал.

– Здравствуйте, капитан! – ответил Томек по-английски, с удовольствием отмечая про себя, что он не даром столько мучился, изучая английский язык. – Я – Томаш Вильмовский.

Капитан взял под козырек и подал Томеку руку, говоря:

– Боцман Новицкий приготовил тебе каюту рядом с моей, так что мы будем соседями. Ты очень сильно храпишь во сне?

– Только если сплю навзничь.

– Не беда. Я храплю в любом положении, – ответил с улыбкой капитан, одновременно здороваясь со старшим Вильмовским и Смугой, которые тем временем тоже очутились на палубе.

– Все ли готово к отплытию? – спросил Вильмовский.

– С самого рассвета держим котлы под парами, – ответил Мак-Дугал.

– Если вы готовы, то снимаемся с якоря, – приказал Вильмовский.

По узкому железному трапу они поднялись на верхнюю палубу, где матросы закрепляли лодку, поднятую с поверхности моря. Мак-Дугал занял свое место на капитанском мостике; из его уст немедленно посыпались команды.

Вскоре заревел гудок. Томеку показалось, что под его ногами задрожала палуба. Он услышал грохот цепей, поднимавших якорь. Протяжный бас корабельного гудка раздался в третий раз. Корабль задрожал, словно ожил, и стал медленно двигаться.

– Ну, Томек, началось наше первое совместное путешествие, – заметил Вильмовский.

– Смотри, папа! Кажется, будто берег отдаляется от нас, а не мы от него! – воскликнул Томек.

Легкая дрожь палубы свидетельствовала о том, что заработали машины корабля. «Аллигатор» ходко двинулся вперед и вскоре вышел из залива в открытое море.

Стоя на палубе рядом с отцом, Томек смотрел на удаляющийся берег...

– Капитан Мак-Дугал сказал, что моя каюта находится рядом с его, – сообщил Томек, когда дома на берегу превратились в узкую цветную полосу.

– У нас на корабле достаточно свободных кают, – пояснил Вильмовский, – поэтому все мы получили собственные уголки. Это очень хорошо, ведь мы должны будем провести на «Аллигаторе» несколько месяцев.

– А когда приедем в Австралию, мы тоже будем жить на корабле? – поинтересовался Томек.

– «Аллигатор» станет основной базой нашей экспедиции. По мере надобности судно будет переходить с места на место. Это позволит грузить на него животных, пойманных в разное время и в разных местах. Большинство очень плохо переносят первые дни неволи. Многие гибнут только из-за плохих транспортных условий. На «Аллигаторе» они будут чувствовать себя сносно, здесь можно организовать уход за ними.

– Животные, наверное, болеют во время морского путешествия? – снова задал вопрос отцу Томек.

– Некоторые болеют; впрочем, все они раздражены. При случае поговорим об этом подробнее. Теперь ты должен устроиться в своей каюте.

Вильмовский повел сына к надстройке верхней палубы. По обе стороны узкого коридора виднелись двери, обозначенные номерами. Вильмовский остановился на пороге и сообщил сыну:

– Первая дверь с левой стороны ведет в каюту капитана. Следующая дверь за ней – в твою каюту. Третья дверь ведет в мою, а последняя – в каюту Смуги. С противоположной стороны коридора находятся каюты офицеров и боцмана Новицкого. Остальные члены экипажа помещаются этажом ниже. Там же находится кают-компания.

Вильмовский остановился у входа в каюту Томека и с улыбкой предложил:

– Мне кажется, что лучше всего начать ознакомление с судном с собственной каюты. Пожалуйста, входи!

Томек отворил дверь. Когда он осмотрел уютную каюту, его охватило изумление. Над узкой, прикрепленной к стене койкой блестел новенький штуцер.

– Папа, неужели все, что находится в этой каюте, принадлежит мне? – спросил Томек, с трудом подавляя охватившее его волнение.

– Конечно, – ответил отец, – здесь ты найдешь все, что нужно человеку в экспедиции.

– Збышек, Витек и Ира лопнут от зависти, когда я им напишу об этом! – вскричал Томек.

– Ты хочешь сразу ознакомиться с кораблем? – спросил Вильмовский, видя, что Томек все время с нетерпением поглядывает на штуцер, висящий над койкой. – А может быть, ты предпочитаешь отдохнуть в каюте?

– Да, думаю, так будет лучше. С кораблем я успею ознакомиться и потом, – заявил Томек, довольный предложением отца.

– Прекрасно, оставайся в своей каюте, а я пойду на совещание с капитаном и Смугой. Мы будем в курительной комнате на нижней палубе. Достаточно сойти по трапу в конце коридора, чтобы попасть к нам.

– Хорошо, папочка. Я приду к вам.

Как только за отцом затворилась дверь, Томек одним прыжком очутился на койке. Принимая все меры предосторожности, он снял штуцер со стены. Томек сосредоточенно рассматривал блестящее оружие. На его лице появилась неуверенная улыбка. Он так был занят, что не услышал, как в каюту вошел боцман.

– О-го-го! Вижу, что ты добыл себе прекрасное оружие, собираясь в экспедицию, – басом произнес боцман Новицкий.

Томек вздрогнул от неожиданности и чуть не уронил штуцер на пол.

– Я не слышал, как вы вошли в каюту, – оправдывался он, смущенный посещением боцмана.

– Нет ничего удивительного, браток, – с улыбкой сказал боцман. – Я могу даже к спящему льву подойти так тихо, что он и не почувствует. У тебя хороший штуцер. По-видимому, новый!

– Думаю, что... новый, – подтвердил Томек.

– Оружие современное. Ты в Варшаве, наверно, такого и не видел, – продолжал боцман и, словно желая ободрить мальчика, добавил: – А ну-ка покажи, брат, посмотрим, что это за штука.

Томек со вздохом облегчения передал оружие боцману. По-видимому, тот был прекрасно знаком со штуцером, потому что он в его руках внезапно ожил, показывая все свои тайны.

В несколько минут боцман разобрал почти все ружье, попутно объясняя Томеку назначение каждой его части. Потом собрал штуцер и предложил:

– Ну-ка, браток, попробайся сделать то же, что я. Я слышал от твоего отца, что ты будешь у нас поставщиком свежего мяса, а значит, должен досконально изучить свое оружие, чтобы оно тебя не подвело.

К величайшей своей радости, Томек уже после третьей попытки самостоятельно разобрал и собрал штуцер. Боцман будто угадал его скрытую мысль, потому что вдруг сказал:

– Здесь на корабле есть место, где мы втайне от любопытных соседей сможем испробовать эту блестящую игрушку. С завтрашнего дня начнем обучаться стрельбе.

– И об этом никто не будет знать? – с любопытством и надеждой спросил Томек.

– Разве что какая-нибудь заблудившаяся корабельная крыса, которых много в трюме этой старой калоши. Шум машин заглушит звуки выстрелов, потому что мы устроим полигон недалеко от кочегаров.

– Ах, как хорошо! – обрадовался Томек. Ведь он с тех пор, как узнал о своей будущей обязанности во время экспедиции, ни на одну минуту не мог успокоиться. Поэтому симпатия, которую он почувствовал к боцману в Триесте, теперь усилилась.

Он спешно стал рыться в своем чемодане. Достал оттуда большой конверт и вручил его боцману.

– Я вам обещал открытки с видами Варшавы. Пожалуйста, выберите те, которые вам понравятся, – радушно предложил он.

Боцман присел у столика, разложил на нем все открытки и долго в молчании рассматривал их. Наконец стал откладывать открытки с видами тех районов города, которые расположены вблизи реки.

– Послушай, браток, если не возражаешь, то эти вот открытки я возьму себе, – обратился он к Томеку.

– Пожалуйста, ради бога! Я только удивляюсь, что вы отобрали себе виды Повислья.

– Я вырос в этом районе. Там живут мои старики, – пояснил боцман.

– А вы очень тоскуете по Варшаве?

– Очень!

– Почему бы вам не поехать туда, чтобы проведать своих родных?

– А ты знаешь, почему твой отец не может вернуться на родину? – спросил боцман.

– Знаю!

– Значит, поймешь, почему я не могу поехать в Варшаву, если скажу тебе, что мне пришлось удирать вместе с ним за границу. Между нами только та разница, что он оставил жену и тебя, а я – моих стариков.

Томек удивленно посмотрел на боцмана, который после минутного молчания добавил:

– Да-да, после того, как пришлось бежать из Варшавы, нам не очень-то везло. Пришлось искать работу на чужой стороне. Меня почему-то тянуло на море. Удалось поступить на судно. Через несколько лет я дослужился до боцмана. Что касается твоего отца, то он поступил к Гагенбеку. Мы с ним встретились несколько лет назад в Гамбурге. Тогда-то он мне и предложил перейти на «Аллигатор». Иногда хорошо бывает иметь старого товарища. Он шепнул за меня словечко Гагенбеку и... вот мы идем в Австралию.

– Ах, это великолепно! – воскликнул Томек. – А скажите, Смуга тоже должен был бежать за границу?

– Смуга? Нет, братец! Он единственный из нашей компании настоящий путешественник по призванию и охотник на диких зверей. Говорят, что еще ребенком он ловил кота за хвост.

«Неужели Смуга так рано выбрал себе профессию?» – задумался Томек, хотя прекрасно понимал, что старый боцман шутит.

– По-видимому, да. Как говорится, любовь к охоте он впитал с молоком матери.

– Как так, извините, пожалуйста? – спросил заинтересованный Томек.

– А так говорят, когда хотят подчеркнуть, что кто-нибудь к чему-либо очень способен, то есть обладает такой жилкой, или смекалкой, в определенной области знаний, понимаешь?

– Понимаю, понимаю, – ответил Томек удовлетворенно. – Это значит, что кто-то обладает призванием или способностями к чему-то.

– Вот-вот. Ты попал теперь в самую точку, браток, – заявил боцман.

Томека взяло ужасное любопытство, не обладает ли, случайно, и он такой жилкой к охоте на диких зверей, поэтому он спросил у боцмана:

– Интересно, можно ли выработать в себе такую жилку к путешествиям и охоте на диких животных?

Боцман искоса взглянул на мальчика и, подавляя улыбку, ответил:

– Ведь говорят же, что привычка – вторая натура, значит, наверное, можно. Надо только сильно желать и иметь голову на плечах.

Томек повеселел. Он решил, ничего не говоря боцману, во всем подражать Смуге, чтобы стать таким же смелым и умелым охотником, как он.

Боцман спрятал открытки в карман блузы в тот момент, когда в коридоре раздался громкий удар гонга.

– Что-то, наверное, случилось! – обеспокоенно сказал Томек.

– Ты, браток, угадал! Кок приготовил обед, – серьезно ответил боцман. – Поэтому давай, брат, быстренько шпарить в кают-компанию.

– Гм, всего лишь обед... – пробормотал Томек.

Кают-компания находилась на нижней палубе. Томек и боцман застали там уже нескольких человек.

– Вот и вы наконец, – сказал Вильмовский, увидев входящих. – Ты, Томек, так долго был в своей каюте, что я боялся, сумеет ли звук гонга вытянуть тебя из твоего укрытия на обед.

– Я не знал, что уже так поздно, – оправдывался Томек, не замечая заговорщицких взглядов, которыми обменивались отец с боцманом.

А Вильмовский втайне посмеивался над наивностью сына, который не догадывался, что отец насквозь видит его мальчишескую хитрость. Он прекрасно знал, что Томек не имеет понятия о стрельбе и охоте. Его назначение «великим ловчим» экспедиции было шуткой, которую Томек принял со всей серьезностью. Вильмовский полагал, что напускное равнодушие, с каким сын принял свое «назначение», развеется как дым при виде великолепного штуцера. К его удивлению, Томек сумел ловко скрыть свои опасения и интерес к оружию. Не желая обидеть мальчика, он попросил боцмана Новицкого научить сына обращаться со штуцером. Боцман охотно взялся за это. Ведь Томек для него был частичкой далекой, любимой Варшавы. Поэтому он, выполнив успешно задание, пытался взглядом сообщить Вильмовскому, что все обстоит благополучно.

Вильмовский представил сына собравшимся в кают-компании членам экипажа, после чего все принялись за еду.

Томек ел рассеянno и без аппетита. Ведь он решил во всем подражать Смуге, поэтому время от времени поглядывал на него и думал: «Боцман Новицкий, должно быть, знает множество вещей, ведь недаром он разбирает штуцер так же легко, как я теперь зачерпываю ложкой суп. Это немного смешно, но, пожалуй, Смуга и впрямь, не умея еще ходить, уже ловил кота за хвост, чтобы впоследствии стать звероловом. Жаль, что тетя Янина не любит животных и не позволяла принести в дом даже котенка. Ну что ж, ничего не поделаешь! Буду во всем подражать Смуге. Так я скорее всего стану великим звероловом, а может быть, даже дрессировщиком».

Томек быстро управился с супом, хотя он ему и не очень понравился. Ему удалось даже опередить Смугу на несколько ложек, но радость его быстро исчезла – он заметил, что Смуга взял себе вторую порцию.

Томек с горечью подумал: «В длительности сна я, пожалуй, не уступлю Смуге, но в еде – никак. Во всяком случае, не сразу. Надо будет спросить у Новицкого, был ли у Смуги такой аппетит в детстве или нет?»

Пока не будет разрешено это сомнение, Томек решил есть умеренно. Теперь он обратил внимание на остальных членов экипажа. Это были люди различных рас и национальностей. Ему очень понравились два огромных негра, работавшие кочегарами. Это были атлетически сложенные люди. Поэтому Томек решил начать ознакомление с кораблем с машинного отделения.

* * *

В свою каюту Томек попал уже совсем поздно вечером. Он быстро разделся, залез в постель и погасил свет. Отцу он обещал, что постарается немедленно заснуть, хотя, несмотря на желание исполнить обещание, ему вовсе не хотелось спать. Впрочем, как же можно спокойно заснуть, если всего лишь за несколько часов получено столько разнообразнейших впечатлений. Томек закрыл глаза, но сразу же вспомнил полуголых кочегаров, большими лопатами бросавших уголь в топку, в которой бушевало адское пламя. Потом он вспомнил рубку штурвального, перед его глазами пронеслись образы офицеров и матросов. Все они трудились, чтобы судно вовремя пришло в далекую Австралию. Потом он вспомнил о цели путешествия и начал мечтать о множестве приключений, ожидающих его в ближайшем будущем.

Томек лежал на узкой корабельной койке и в мечтах переживал большую охоту на быстроногих кенгуру и кровожадных динго. За несколько минут он в мечтах совершил столько выдающихся подвигов, что наконец заснул от усталости.

V. Прорицатель из Порт-Саида

Стояла прекрасная, безветренная, солнечная погода. «Аллигатор» спокойно шел по гладким как зеркало водам Адриатического моря.

Томек быстро освоился с новым положением и на «Аллигаторе» чувствовал себя так же безопасно, как в доме у тети Янины. Правда, живость характера и врожденное любопытство не давали ему долго усидеть на месте.

Томек целыми днями бегал по всему судну. Он ходил в машинное отделение к кочегарам, заглядывал в вольеры, предназначенные для перевозки животных, подружился с коком, посещал матросов в кубрике¹⁴, и спустя всего лишь два дня после того, как сделал первый шаг по палубе судна, Томек не хуже самого капитана Мак-Дугала знал наизусть все уголки «морского зверинца».

Боцман Новицкий, верный своему обещанию, стал обучать Томека стрельбе из штуцера. В одном из вольеров они устроили тир, в котором проводили несколько часов в день, стреляя по самодельной мишени.

Ежедневно по утрам Томек приходил в кают-компанию и внимательно штудировал карту, на которой был обозначен путь, пройденный судном за последние сутки. На седьмой день путешествия черная линия, обозначающая курс «Аллигатора», подошла почти к самым берегам Африки. Томек сразу же побежал на палубу. «Аллигатор» уже подходил к порту. Мальчик заметил небольшую группу мужчин, стоявших на палубе, в числе которых были его отец и Смага. Он быстро подбежал к ним.

– Папа, неужели это уже Порт-Саид?¹⁵ – спросил Томек.

– Да, мы входим в Порт-Саид, расположенный у ворот Суэцкого канала, – подтвердил Вильмовский.

– А мы сможем сойти на сушу? – нетерпеливо продолжал задавать вопросы Томек, которому интересно было побывать в городе, до сих пор знакомом только по урокам географии в школе.

– Мы пополним здесь запас угля. Поэтому стоянка «Аллигатора» будет длиться несколько часов. После обеда мы поедем в город, – ответил Вильмовский.

«Аллигатор» осторожно маневрировал среди бесчисленных лодок и малых суденышек, пробираясь с оглушительным ревом гудка мимо больших кораблей, стоявших на рейде, к отведенному ему месту.

Наконец «Аллигатор» бросил якорь вблизи набережной.

Томек с любопытством поглядывал на город, над которым раскинулся шатер голубого, без единой тучки, позолоченного знойными лучами солнца неба.

Над крышами низких домов возвышалась стройная башня высокого маяка, а вдали возносились к небу острые иглы минаретов¹⁶.

Как только «Аллигатор» встал на якорь, его окружили лодки. В них сидели оживленно жестикулирующие арабы и чернокожие, зарабатывающие себе на хлеб перевозкой пассажиров с судов на берег. Но они быстро оставили судно, узнав, что это не пассажирский корабль. Их место сейчас же заняли арабские мальчишки на своих маленьких лодчонках. Полуобнаженные гребцы, что-то громко крича, пытались объясниться с матросами «Аллигатора».

¹⁴ Жилое помещение для команды на кораблях. Обычно в кубрике жили матросы, а офицеры размещались в каютах.

¹⁵ Портовый город в Северо-Восточном Египте, основанный в 1860 г. строителем Суэцкого канала инженером Ф. де Лессепсом и названный так в честь вице-короля Египта – Саида.

¹⁶ Высокая башня мечети, мусульманского храма.

– Что им от нас нужно? – спросил Томек, заинтересованный громкими криками арабских мальчиков.

– Сейчас увидишь, – ответил Вильмовский, вынимая кошелек из кармана.

Едва в его пальцах блеснула серебряная монета, одна из лодок быстро подошла к самому судну.

– Теперь смотри внимательно, – обратился Вильмовский к сыну.

Брошенная за борт монета, описав дугу, погрузилась в воду. В этот момент маленький араб бросился в море вниз головой, исчез в глубине и вскоре выплыл на поверхность, держа в зубах монету.

– Ах, какой великолепный пловец! – удивился Томек. – Папа, дай мне, пожалуйста, несколько монет, я должен хорошенько присмотреться, как он это делает.

Томек с интересом бросал монеты ловким арабским пловцам и смотрел «магические фокусы», которые показывал старый араб. И только лишь после того, как в отцовских карманах был исчерпан весь запас серебряных монет, Томек заметил, что на противоположном борту судна происходит что-то новое. Выглянув за борт, он увидел пять груженных углем барж, которые должны были поочередно подойти к люку, открытому на борту «Аллигатора». Одна из барж как раз подошла к судну. Бронзовые от загара полуобнаженные арабы проворно, с присущей им ловкостью носили уголь на судно в больших корзинах. Палуба судна покрылась туманом черной пыли. Пробегая по сходням, арабы переглядывались с матросами, стоявшими на палубе, показывая в улыбке белую кипень зубов. За рабочими присматривал старый араб в грязном бурнусе. Он не жалел кнута, щелкая которым в воздухе погонял грузчиков. К Томеку подошел Смуга.

– Собирайся-ка, мы сойдем на берег! – крикнул он, а когда Томек повернулся к нему лицом, громко захохотал и добавил: – Черт возьми! Ты же стал чернее негра!

Только теперь мальчик заметил, что он весь покрыт черной угольной пылью.

Томек побежал в каюту. Вскоре он вернулся чисто вымытый и в новом костюме. Отец, Смуга и боцман Новицкий уже ждали на палубе. По веревочному трапу они сошли в лодку и через несколько минут очутились на суше. Здесь их сразу со всех сторон окружили расшумевшиеся проводники, предлагая свои услуги для ознакомления с городом. Боцман Новицкий бросил им несколько монет и движением руки дал понять, что сам хорошо знаком с городом, в котором прежде уже не раз бывал.

Вскоре наши путешественники очутились на длинной, чрезвычайно оживленной улице, застроенной низкими домами. Витрины магазинов ломились от всевозможных товаров. Томек то и дело останавливался, чтобы посмотреть на страшных золоченых драконов, полюбоваться великолепными изделиями из слоновой кости, нежными и прозрачными сосудами из китайского фарфора, забавными разноцветными фигурками, красивыми шкатулками из сандалового дерева, златоткаными тканями и множеством других предметов, увиденных им впервые в жизни. Арабские лавочники назойливо расхваливали свои товары, приглашали их осмотреть.

В конце концов разноязычный говор и шум так оглушили Томека, что он предпочел спрятаться за спину своих спутников. Они вошли в европейскую часть города, застроенную высокими, красивыми зданиями. Здесь расположились гостиницы, банки, торговые предприятия, а среди обширных садов и парков белели дома богатых европейцев.

Вскоре они снова очутились в арабской части города. Среди небольшого числа каменных домов здесь ютились грязные шалаши, кое-как слепленные из глины, полные дыр, заделанных ржавой жестью и досками. Однако на первом плане виднелись, словно сросшиеся со стенами шалашей, лотки с овощами и аппетитными южными фруктами. По улицам спокойно шествовали ослики; здесь же, не обращая внимания на крикливых прохожих, паслись козы. Когда наши путешественники проходили мимо одного из шалашей, к ним обратился старый араб, сидевший прямо на земле:

– Подойдите ко мне, благородные пришельцы!

Они остановились, а старец вперил в них пронизательный взгляд. Он протянул к ним высохшую руку со сморщенной кожей и хрипло сказал:

– Судьба каждого человека записана в Книге жизни. За несколько жалких серебряных монет я скажу каждому из вас, что ожидает его в будущем.

Смуга бросил прорицателю монету. Подражая его речи, он произнес:

– Возьми, благородный учитель, но тебе нет нужды предсказывать мою судьбу. Я умею читать в Книге жизни не хуже тебя. Поэтому совершенно бесплатно я приоткрою тебе тайну и скажу, что ты не разбогатеешь, занимаясь предсказаниями.

Коричневой рукой старец хищно схватил блестящую монету и бросил ее в мешочек, висевший у пояса.

– Ты перестанешь смеяться, когда между тобой и смертью встанет маленький мальчик. Может быть, тогда пожалеешь, что не захотел поверить в мое предсказание, – ответил араб с кривой и презрительной улыбкой на устах.

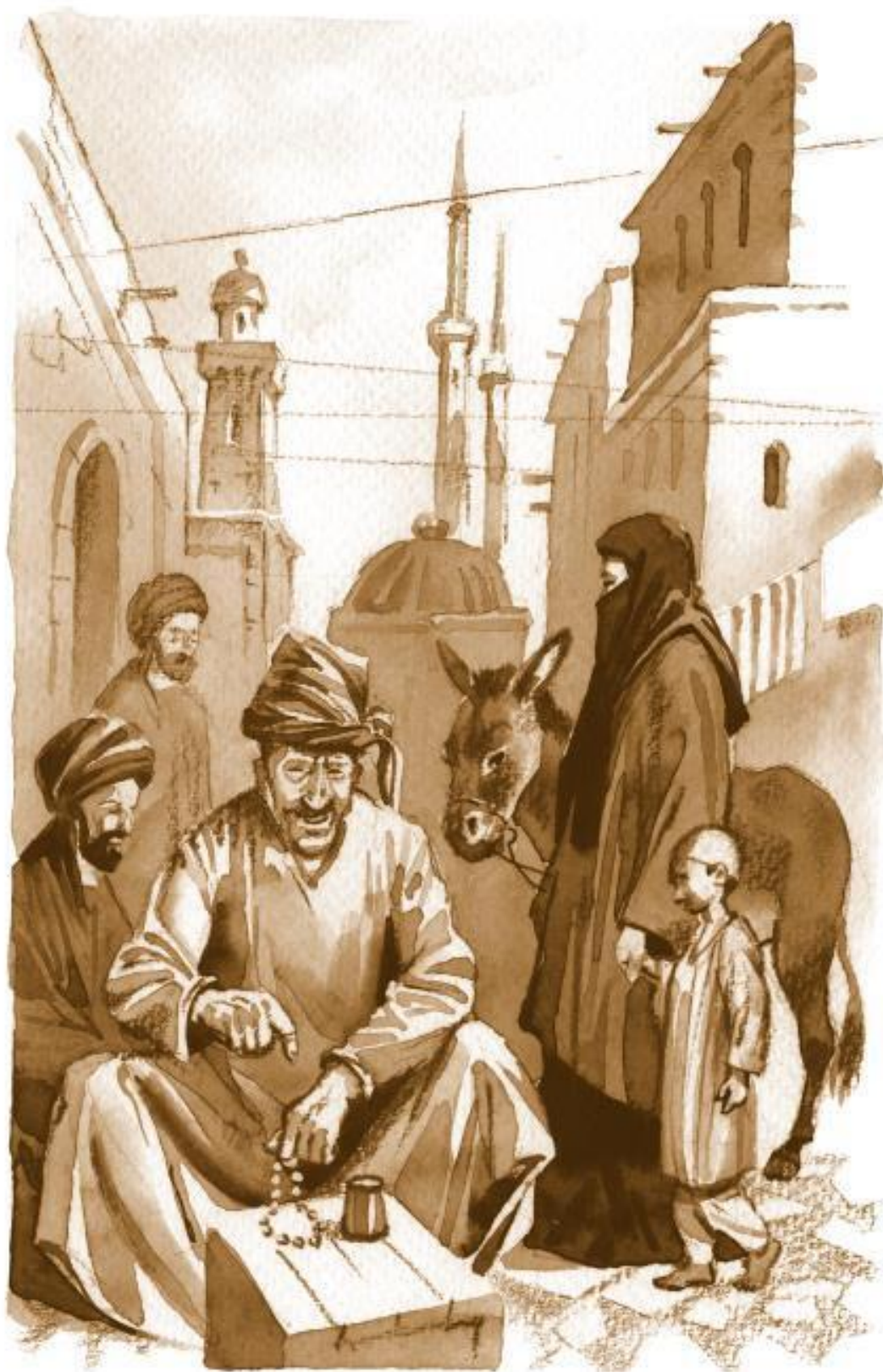
Сморщенное лицо старика и сказанные им странные слова несколько смутили Томека. Он нашел в кармане серебряную монету и положил ее в миску, стоявшую у ног старика.

Прежде чем Томек успел отойти, старик протянул к нему из-под бурнуса свою костлявую руку. Неожиданно быстрым движением прорицатель схватил Томека за плечо и привлек его к себе.

– Послушай старого араба, – сказал он хриплым голосом, не выпуская руки Томека. – Ты еще молод и будешь долго жить. Ты поймешь и, может быть, когда-нибудь вспомнишь мои слова.

Араб правой рукой разгладил песок, которым был наполнен стоявший перед ним плоский сосуд, и, словно читая написанное на нем, произнес:

– В далекой и дикой стране ты найдешь то, что другие будут напрасно искать. Когда это случится, ты обретешь друга, который не скажет ни одного слова...

Вильмовский нетерпеливо пожал плечами. Взяв Томека за руку, он сказал:
– Достаточно этих глупостей! Теперь идем выпьем чего-либо холодного.

Они быстро отошли от старого араба, а тот, не переставая злобно улыбаться, смотрел им вслед налитыми кровью глазами.

По дороге Смуга и Вильмовский рассказывали забавные случаи, героями которых были арабские прорицатели. Томек и боцман Новицкий слушали их рассказы в молчании. Они заняли столик в большом зале кафе. Томек беспокойно вертелся на стуле и в конце концов обратился к своим спутникам с вопросом:

– Папа и вы, дядя, утверждаете, что старый араб нес несусветный вздор. Скажите, а откуда он мог знать, что мы едем в далекую и удивительную страну?

– В таком оживленном порту любому европейцу можно сказать то же самое без особого риска ошибиться, – ответил Смуга. – Этого рода колдуны и прорицатели обладают чрезвычайной способностью выуживать деньги из карманов наивных слушателей. Не стоит обращать внимание на их болтовню.

– Из нас вы первый вручили ему монету, – с улыбкой сказал боцман Новицкий. – О гадании вы и слышать не желаете, а денег не пожалели. Одним словом, вы придерживаетесь жизненного правила «и богу свечка, и черту кочерга». Но зато гадальщик угостил вас хорошим предсказанием. Я лично не очень люблю, когда такой старец предсказывает мне несчастье. Поэтому, проходя мимо прорицателей, стараюсь держать язык за зубами.

– Я ему подал милостыню. Должен же такой старый человек на что-то жить, – защищался Смуга. – Я ни в какие гадания не верю с самых малых лет. Если в руках у меня хорошее ружье, я не боюсь никаких опасностей.

– За твои шутки старик предсказал нам страшные, по его мнению, несчастья, – весело вмешался в беседу Вильмовский.

– Мне кажется, пора поднять паруса и подумать о возвращении на корабль, – заметил пунктуальный и практичный боцман Новицкий. – Вечером мы снимемся с якоря.

– И правда, уже пора, – поддержал боцмана Вильмовский.

Они вышли из кафе. По дороге в порт купили по связке сочных южных плодов. На судно они вернулись в самом прекрасном настроении. Лощман, который должен был провести судно через канал, уже находился на борту.

Едва лишь на небе загорелись первые вечерние звезды, «Аллигатор» вошел в Суэцкий канал. Медленно, со скоростью черепахи, «Аллигатор» прошел мимо ярко освещенного здания Всеобщей компании Суэцкого канала¹⁷ и других строений, о назначении которых Томек забыл спросить. Все пассажиры и свободный от вахты экипаж судна собрались на верхней палубе, потому что в каютах стояла такая жара и духота, что оставаться там длительное время было невозможно. Воспользовавшись этим, Томек с любопытством смотрел на длинную, узкую полосу воды, зажатую низкими берегами и насыпными валами.

В школе, учась географии, он совершенно иначе представлял себе знаменитый Суэцкий канал, сыгравший историческую роль, так как сократил и сделал почти безопасным долгий путь из Европы в Индию. Он столько наслушался о трудностях, с которыми встретились строители канала, что ожидал увидеть сложное сооружение, тогда как на самом деле все выглядело крайне просто. Поэтому Томек разочарованно сказал отцу:

– Не понимаю, почему пришлось столько лет копать такой узенький канал.

– Если говорить точно, то строительство канала было начато в 1859 году, а закончено в 1869-м. Таким образом, строительство продолжалось ровно десять лет, – ответил Вильмовский. – Это была необыкновенно трудная строительная задача. Ныне длина канала составляет сто шестьдесят один километр. Из них сто двадцать – это собственно канал, вырытый в земле, а остальное приходится на озера и проливы, соединяющие между собой отдельные участки

¹⁷ До 1956 г., то есть до национализации Суэцкого канала правительством Египта, эксплуатация его осуществлялась Всеобщей компанией Суэцкого канала, по существу являвшейся англо-французским предприятием.

канала. Чтобы представить себе, какую огромную работу пришлось проделать, достаточно сказать, что тридцать тысяч человек в течение десяти лет работали не покладая рук на строительстве. Кроме того, канал потребовал огромных средств: на его строительство ушло свыше пяти-сот миллионов золотых франков.

– Никак не думал, что рытье такого канала может потребовать таких трудов и столько денег, – ответил Томек. – И долго нам придется идти по нему?

– Около двадцати часов, потому что по правилам мы обязаны уступать дорогу почтовым судам.

– Это значит, что я смогу и днем полюбоваться берегами канала, – обрадовался Томек.

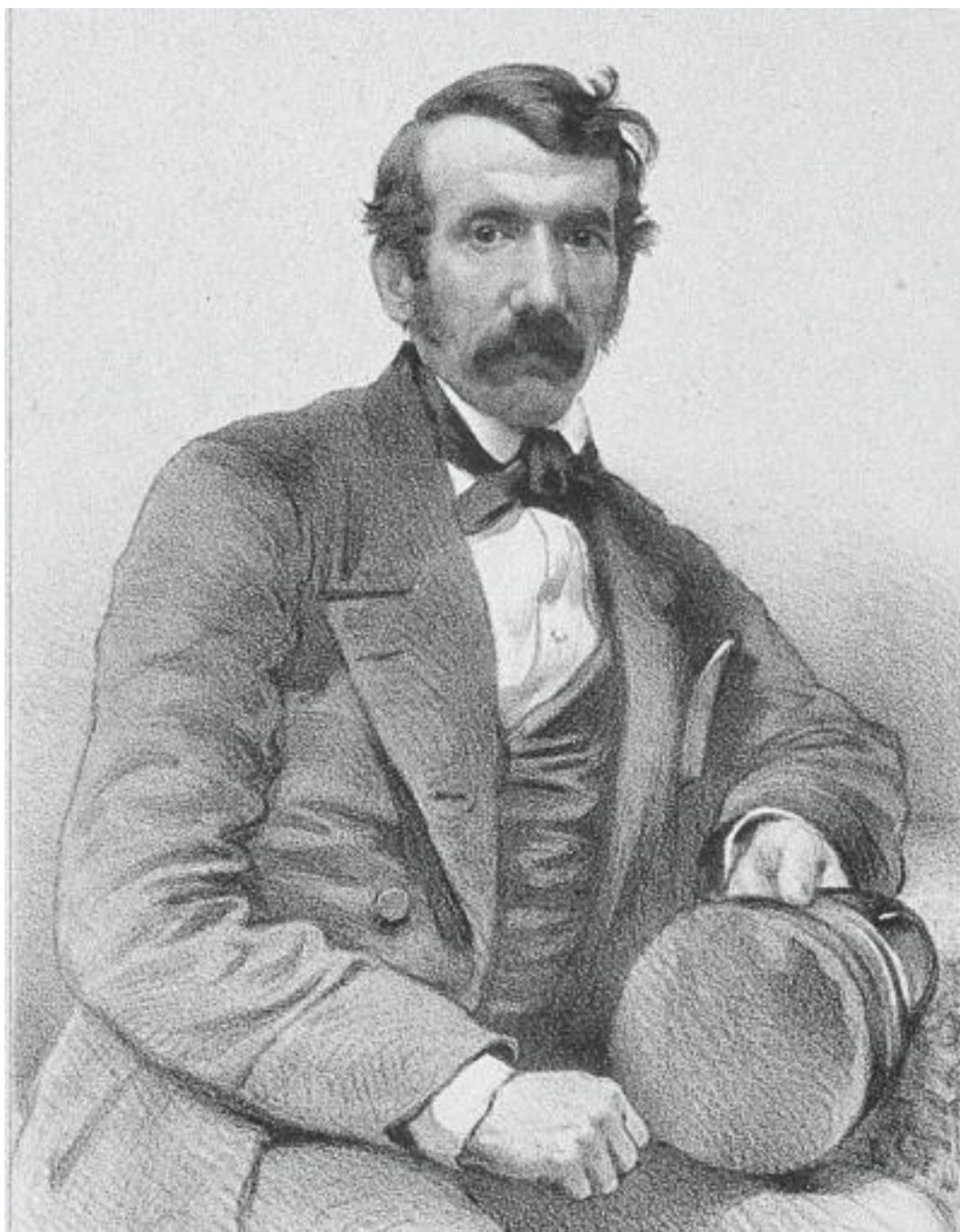
В хорошем настроении Томек лег спать. Он чувствовал усталость после длительной прогулки по Порт-Саиду. Проснувшись рано утром, он нашел для себя на судне прекрасный наблюдательный пункт. Никем не замеченный, Томек залез в спасательную лодку, прикрепленную к оснастке на верхней палубе корабля, откуда открывался прекрасный вид на оба берега канала.

Насколько хватало глаз, берега канала были покрыты песками, среди которых то тут, то там блестели соленые озера. С правой стороны, у самого берега вдоль железнодорожной линии из Порт-Саида в Суэц, тянулись два ряда деревьев. Среди них преобладали тамаринды¹⁸ – тропические фруктовые деревья с твердым желтоватым стволом и листьями, покрытыми как бы пухом. Время от времени судно проходило мимо хороших жилых и станционных зданий, а иногда его обгонял поезд, за которым долго тянулась полоса черного дыма. Томек жадно смотрел вокруг, но вскоре монотонный вид песчаных берегов наскучил ему. Стояла невыносимая жара...

Томек снял рубашку, удобно уселся на дне лодки, потом прилег, сунул голову под скамейку, чтобы спрятаться от солнца, и вскоре крепко заснул, убаюканный мерным плеском воды, ударяющей о борта судна.

Прежде чем отец нашел его спящим в лодке, прошло немало времени. Все тело Томена пылало жаром, и по цвету он походил на рака, только что вынутого из кипящей воды. Его быстро внесли в каюту, где ему пришлось лежать с многочисленными компрессами на теле во время всего путешествия по Красному морю. Лишь благодаря тому, что голова Томена во время сна очутилась в тени скамейки, ему удалось избежать тяжелых последствий солнечного удара. За свою неосторожность ему пришлось понести наказание, назначенное отцом. Томеку было запрещено присутствовать в Порт-Судане при погрузке верблюдов на «Аллигатор».

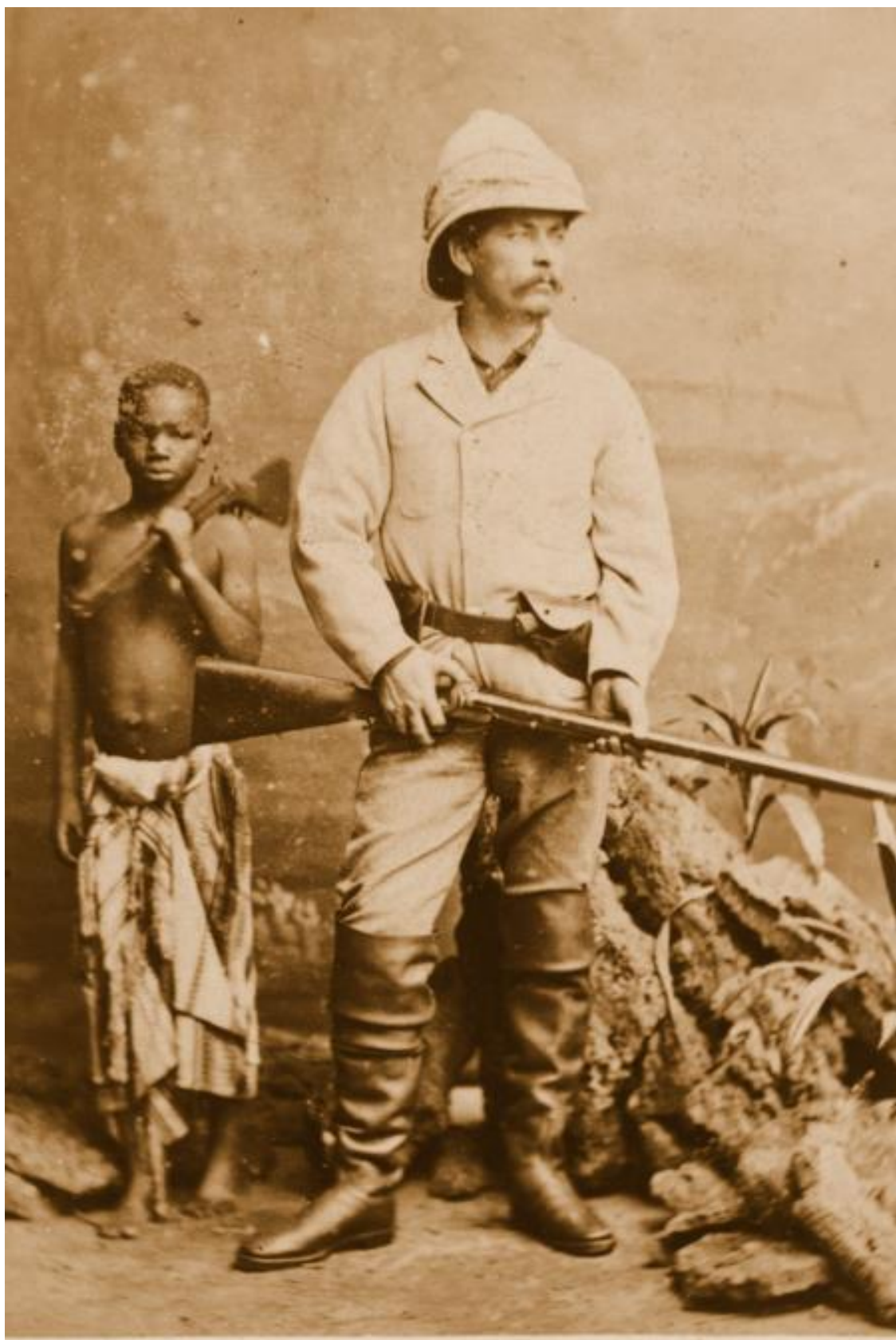
¹⁸ *Tamarindus indica*, или индийский финик, – дерево семейства бобовых, подсемейства цезальпиниевых. Плод – боб длиной до 20 см с твердой оболочкой и кислой бурой мякотью. Плоды тамаринда применяются в медицине в качестве слабительного.

Ливингстон, Давид (1813–1873) – британский путешественник, шотландец по происхождению, знаменитый исследователь Африки, географ и миссионер. Первым охарактеризовал основные черты рельефа Южной Африки, изучил систему реки Замбези, начал исследования озер Ньяса и Танганьика. Первым из европейцев увидел грандиозный водопад на реке Замбези и назвал его в честь британской королевы Виктории (1855). Умер от малярии во время очередной экспедиции. Сердце его похоронено в селении Читамбо (Замбия), а тело – в Вестминстерском аббатстве (Великобритания).

Впрочем, Томек не очень был опечален этим наказанием. Ведь даже простыни немилосердно раздражали его сожженную солнцем кожу, а что уж говорить про одежду! Кроме того, в таком состоянии нельзя было явиться на палубу судна, обжигаемую лучами южного солнца.

Томек от скуки выглядывал наружу через круглый иллюминатор, пропускающий в каюту свет. Таким образом, он установил, что вода в Красном море совсем не красная, как это ему представлялось на уроках географии. От отца он узнал, что море получило это название от водорослей красного цвета, растущих на его дне. По вечерам Томек любовался мигающим светом маяков, разбросанных по мысам и малым пустынным островам вдоль берегов. Маяки облегчали путь судам среди опасных мелей и подводных рифов.

Стэнли, Генри Мортон (1841–1904) – британский журналист и путешественник. В 1871 г. участвовал в поисках пропавшей без вести экспедиции Д. Ливингстона. Отыскав экспедицию на озере Танганьика, Стэнли приветствовал ее руководителя вошедшей в историю фразой: «Доктор

Ливингстон, я полагаю?» Свое путешествие он описал в книге «Как я нашел Ливингстона», которая была переведена на многие языки, в том числе и на русский. Открыл озеро Альберт-Эдуард, исследовал берега озера Танганьика и устье реки Конго.

Во время краткой стоянки в Порт-Судане Томек прислушивался к скрипу талей, при помощи которых грузили верблюдов с пристани на судно. Рев несчастных животных, крики погонщиков на совершенно незнакомом языке возбуждали его фантазию, заставили припомнить прочитанные не так давно описания экспедиций Ливингстона и Стэнли в Африку.

На следующий день после выхода судна из Порт-Судана неоценимый боцман Новицкий возобновил уроки стрельбы. Томек умел уже метко попадать в самый центр круга, и боцман занялся устройством подвижной мишени. Он прикрепил к деревянному потолку трюма длинную проволоку, к которой привесил жестяную коробку, наполненную песком. При помощи шнура боцман быстро двигал коробку по проволоке, а Томек в это время целился в нее и стрелял. По мере того как мальчик приобретал навык, коробка двигалась все быстрее и быстрее, притом появлялась совершенно неожиданно. Томек, обрадованный похвалами своего учителя, проводил в импровизированном тире много времени. И только известие, что «Аллигатор» подходит к Адену¹⁹, самому жаркому месту земного шара, заставило мальчика выйти на палубу судна. Он увидел грозную отвесную скалу, которая, казалось, преградила путь кораблю. Вздвигавшаяся, изрезанная цепь скал полуострова была окружена водами голубого, вечно неспокойного моря. Над морем и скалами распростерлось бескрайнее, пышущее солнечным жаром безоблачное небо.

«Аллигатор» стал на якорь. Немедленно к борту судна подошли тяжелые баржи, груженные углем, преодолевая неприятную короткую волну. Вскоре, подобно тому как это было в Порт-Саиде, появились маленькие лодочки с пловцами, ловко вылавливающими монеты со дна моря.

Стоянка была очень короткой, поэтому никто из экипажа не был отпущен на берег. Томек, слушая рассказ отца, который не раз бывал в Адене, с интересом смотрел на превосходно видимый с судна порт Стимер-Пойнт, где размещены укрепления, находятся гостиницы, консульские бюро и дома европейцев. Сам город Аден – старинный арабский оазис, называемый Шейх-Осман, – находится в шести километрах от Стимер-Пойнта, в кратере угасшего вулкана, среди дикого нагромождения скал, окруженных выжженной солнцем пустыней.

– Судьба Адена напоминает до некоторой степени историю Суэцкого канала, – сказал Вильмовский. – Чтобы сделать существование европейцев сносным в этом самом жарком месте на земле, где отсутствуют вода, тень и растительность, тысячи рабов, покрываясь кровавым потом, строили огромные бассейны. Во время весенних бурь они наполняются водой. Жаль, что ты их не увидишь. Они очень красивы.

У Томека было мало времени для бесед с отцом. Во время стоянки в порту на судне царил оживленный движение, которое вскоре привлекло внимание Томека. Матросы деятельно крепили на палубе все подвижные предметы, прочно привязывая их канатами. Несколько членов экипажа в обществе Вильмовского и Томека сошли в трюм, в помещение, где находились верблюды. Животные стояли парами в небольших, отделенных друг от друга стойлах. Вильмовский проверил правильность содержания животных и прочность креплений.

Такая подготовка была необходима, потому что «Аллигатор» должен был скоро войти в зону юго-западного муссона²⁰ и можно было ожидать ухудшения погоды и даже бурь.

¹⁹ Город в юго-западной части Аравийского полуострова. В те времена, к которым относится наш рассказ, Аден входил в состав одноименной британской колонии, в которую, кроме Адена, входили порт Стимер-Пойнт (в настоящее время – Эт-Тавахи, район Адена), городок Шейх-Осман и часть пустыни, окружающей город Аден.

²⁰ Устойчивый ветер, меняющий свое направление в зависимости от времени года. Зимой он дует с материка к океану, а летом – с океана на материк.

В дальнейший путь судно отправилось еще до захода солнца. Всего лишь через несколько часов, вечером, Томек про себя отметил, что условия путешествия значительно изменились. Правда, ленивая боковая качка поначалу не очень беспокоила, но, несмотря на это, Томек почувствовал тревогу. Под напором огромных волн судно сильно кренолось на левый борт. Все его соединения трещали, а время от времени огромный водяной вал заливал судно и откатывался назад, словно стыдясь своей смелости и оставляя на палубе хлопья белой пены.

На следующее утро качка стала ощутимее. Пенистые гребни волн то и дело заливали палубу судна. Желая заглушить неприятное чувство, Томек прихватил штуцер и ушел в свой тир. Боцман не мог сопровождать ему, но Томек был, пожалуй, доволен этим; жестяная коробка, подвешенная к потолку, под действием сильной качки самостоятельно двигалась, притом в самые неожиданные моменты. Попасть в такую подвижную цель было очень трудно. Томек иногда с трудом удерживал равновесие, но это как раз доставляло ему самое большое удовольствие. Он непрерывно стрелял, иногда попадая в цель, иногда нет. За два часа таких упражнений песок высыпался из коробки через отверстия, пробитые пулями.

Как только раздался звук гонга, возвещавший обед, Томек обрадованно уселся на свое место в кают-компании. Во время стрельбы по движущейся цели он, находясь в сильном волнении, забыл о том, что его охватывала слабость, и почувствовал сильное желание поесть.

Матросы смотрели на Томека с любопытством. Смуга сказал:

– О-го-го! Значит, ты явился на обед?!

– А почему бы и нет? – ответил Томек. – Я голоден как волк.

– Прекрасно. Если качка не лишила тебя аппетита, то из тебя выйдет хороший моряк. Ты знаешь, что три великана-суданца, сопровождающие верблюдов, уже лежат как бревна в своих каютах, – смеясь, сообщил Смуга.

Томек прекрасно переносил качку. Несмотря на это, его не пускали на палубу из опасения, что волны, непрерывно накатывающиеся на судно, смоют его за борт. Поэтому Томек в своем тире прошивал пулями жестяные коробки все меньшего и меньшего размера, всякий раз точно попадая в цель.

Через несколько дней море немного успокоилось. Новицкий, воспользовавшись свободной минутой, появился на пороге тира. Томек стрелял быстро и метко.

Удивленный успехами своего ученика, боцман одобрительно сказал:

– Ну-ну, браток, вижу, что ты уже не многому научишься у меня. Теперь разве что Смуга сможет тебя научить чему-либо новому в стрельбе.

– А что, Смуга так хорошо стреляет? – удивился Томек. – Я думал, что лучше вас никто не умеет.

– Эге, браток! Смуга – отменный стрелок! Он может попасть между глаз любому, даже самому маленькому зверьку, – ответил боцман уверенно, хотя все, что он знал о Смуге, было ему известно по рассказам старшего Вильмовского.

Конечно, Вильмовский ничего не говорил боцману об умении Смуги попадать животным между глаз, но Новицкому казалось, что небольшое преувеличение не помешает.

Томек уже давно решил во всем подражать Смуге, великому охотнику и зверолову. Он задумался над словами боцмана. Стараясь находить коробки все меньшие по размерам, рисовал на них по два кружка, которые должны были изображать глаза животного, и снова и снова стрелял, пытаясь попасть между ними. Делал это он втайне от боцмана. Дни проходили быстро. «Аллигатор» все дальше шел на юго-восток.

VI. Цейлонский слон и бенгальский тигр

Томек с нетерпением смотрел на полосу суши, видневшуюся на горизонте, среди колеблющихся волн океана. Это остров Цейлон – страна жемчуга, белых сапфиров, красивых пальм и редких растений.

«Аллигатор» медленно прошел в широкие ворота порта, образованные двумя волноломами, и очутился в большой уютной пристани столицы Цейлона, Коломбо.

– Я собираюсь на берег со Смугой. Если желаешь, можешь пойти с нами, – объявил Томеку отец, когда с борта судна на причал опустили трап. – Нам необходимо получить разрешение на погрузку животных на судно.

– Слона и тигра? – спросил Томек.

– Да. Отсюда мы должны их взять в Австралию, – подтвердил Вильмовский.

– Ах, как интересно! Мне еще не приходилось видеть живого слона или тигра. А этот слон ручной?

– Полагаю, что он дрессированный. Я возьму с собой фотоаппарат. Ты ведь должен послать тете и дяде свою фотографию из далекого путешествия.

– Конечно. Я бы очень хотел...

– Что? Хотел бы покататься на слоне?

– Да!

– Посмотрим, – сказал Вильмовский. – Приготовься к выходу на берег.

Через несколько минут, приодевшись, Томек вернулся на палубу, где его уже ждал отец с большим футляром, в котором находился фотоаппарат. По узким прогибающимся мосткам они сошли на пристань. И вскоре очутились на обширной городской площади.

Томек поправил пробковый шлем на голове, чтобы заслонить глаза от яркого солнца, и осмотрелся вокруг. Вблизи стояли двухколесные арбы, бока которых и верх были защищены матами. В арбы были впряжены рогатые азиатские зебу, происходящие, по-видимому, от степного тура²¹. От отца Томек узнал, что степной скот, похожий на зебу, можно также встретить и в Африке у многих негритянских племен. Некоторые виды зебу, называемые в Африке вагума или ватуси, отличаются огромными рогами. Другие породы зебу носят на плечах более или менее крупный горб жировых отложений. Особенно развит этот горб у азиатских зебу. Томек был несказанно удивлен, что в Индии зебу почитают священным животным, держат их в храмах, а за убийство этого животного виновника приговаривают к смерти. Здесь, на Цейлоне, зебу служили в качестве тягловых животных. Они с совершенным равнодушием стояли теперь под палящими лучами солнца. В некотором отдалении Томек заметил ряд рикш, двухколесных повозок с сиденьями между колесами. У повозок стояли сингалы²², их тела отливали бронзовым цветом.

²¹ *Bos primigenius* – животное, полностью вымершее несколько сотен лет назад.

²² Основное население Шри-Ланки (Цейлона), наряду с тамилами.

Быки в тесном смысле этого слова, к которым принадлежит крупный рогатый скот, составляют особую группу. Они отличаются широким плоским лбом, большими рогами и короткой густой шерстью. <...> В Древнем Египте и Индии уже в ранние времена существовали различные породы домашнего скота. Впоследствии некоторые из них совершенно исчезли или изменились до неузнаваемости, другие, наоборот, сохранили все свои существенные признаки. К последним принадлежат горбатые быки:...**индийский зебу** (*Bos indicus*), рыжевато- или серовато-бурого цвета, переходящего иногда в бледно-желтый и даже белый. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

Увидев белых людей, выходящих из порта, три рикши подбежали к ним, таща за собой свои тележки. Наши путешественники уселись и поехали в город по прямым широким улицам.

В порту и в самом городе царил оживленное движение. Посередине улицы, топая босыми ногами, пробегали услужливые кули²³, с необыкновенной ловкостью лавируя двуколками среди разноцветной толпы.

Томек с восхищением смотрел на стройных сингалов, которые носили вместо штанов короткие юбочки, а длинные черные волосы скрепляли на затылке черепаховыми гребнями. Их желтое, зеленое и красное одеяние смешивалось с синими и голубыми сари индийцев. Время от времени Томек замечал в толпе браминов²⁴, одетых в желтые длинные одежды. Женщины – сингалки и тамилки – были обильно украшены блестящими серьгами и браслетами. Многие прохожие защищали голову от солнечных лучей цветными зонтами.

После короткого, но быстрого бега рикши, везшие наших путешественников, остановились у каменного здания. Здесь находилась транспортная контора. Оказалось, что слона и

²³ Наемные рабочие, как правило, самой низкой квалификации: носильщики, грузчики, чернорабочие.

²⁴ Член высшей индийской касты жрецов.

тигра можно погрузить на борт в любой момент. Поэтому необходимые формальности удалось быстро закончить, и наши путешественники, сопровождаемые высоким, худым англичанином, служащим конторы, вышли, чтобы получить животных. Они находились в пригородном имении английского негодянта. Обширный парк имения был огорожен низким забором. Дом стоял в глубине парка. Кули, не уменьшая скорости, описали полукруг и через широкие, украшенные орнаментом чугунные ворота вбежали в парковую аллею. По обе стороны аллеи высились стройные стволы пальм. Их длинные зеленые листья отбрасывали густую живительную тень. За пальмами в глубине парка пышно росла всевозможная тропическая зелень. Среди разбросанных кое-где деревьев – хлебных, коричных, гвоздичных, магнолиевых и великолепных саппановых²⁵ – виднелись бесчисленные кустарники и молодые деревья: оливковые, лимонные, апельсиновые, банановые с огромными листьями, среди которых висели гроздья зрелых плодов.

Рикши остановились у одноэтажного белокаменного дома, вокруг которого шла глубокая тенистая аллея. Англичанин вышел на крыльцо и пригласил путешественников в дом, предлагая немного отдохнуть. Как только гости расселись в глубоких удобных бамбуковых креслах, молодой индеец поставил перед ними огромные подносы с восточными сладостями, плодами и холодными освежающими напитками.

²⁵ *Caesalpinia sappan* – другое название – индийское красное дерево – невысокое вечнозеленое дерево с очень твердой, устойчивой к повреждению древесины темно-красного цвета. Произрастает в Юго-Восточной Азии. Краситель, содержащийся в ядре древесины, используют в легкой и пищевой промышленности.

Во время беседы отца и Смуги с англичанином Томек съел несколько сочных южных плодов, но то и дело с нетерпением поглядывал в глубину парка. По всей вероятности, там находился слон, которого они собирались взять с собой в Австралию. До сих пор Томеку не приходилось видеть экзотических животных. В то время в Варшаве не было еще зоологического сада, где можно было бы увидеть живые образцы мировой фауны. Поэтому нет ничего удивительного, что наряду с любопытством Томек испытывал легкую тревогу. Ведь настоящий живой слон – это совсем не то, что раскрашенная картинка или даже фотография.

После недолгой беседы мужчины встали. Вместе с Томеком они вышли в парк. В самом конце дорожки находилась лужайка со старательно подстриженной травой. На лужайке в тени огромного столетнего баобаба²⁶ стоял слон. Он медленно шевелил ушами и длинным хоботом хватал из кормушки охапки сена, отправляя их в рот.

Путешественники подошли совсем близко к слону. Томек заметил на одной из задних ног животного железное кольцо, за которое он при помощи длинной цепи был прикован к стволу баобаба. Увидев посетителей, из-за ствола дерева показался индеец и остановился в ожидании.

– Это погонщик слона, – сказал англичанин, показывая на индейца.

Слон медленно повернул голову в сторону Томека, который держал в руке сочный апельсин. Он вытянул хобот, но Томек, не уверенный в своей безопасности, предусмотрительно спрятался за стоявшего рядом Смугу.

– Не бойся, слон хочет только полакомиться чем-нибудь вкусным, – успокоил Томека англичанин.

– А он меня не схватит за руку? – с недоверием спросил Томек.

Слон как бы понял его слова и еще раз вытянул к Томеку хобот, широко раскрыв пасть. Хобот неподвижно застыл в таком положении.

– Видишь, он не хочет тебя укусить, – сказал англичанин.

Осмелев, Томек приблизился к слону и подал ему апельсин. Слон медленным движением поднес кончик хобота с апельсином ко рту и проглотил вкусный плод.

Индеец подошел к слону и ласково погладил его по хоботу.

– Он очень любит детей, – пояснил он.

Вильмовский, памятуя о беседе с Томеком на борту судна, произнес:

– Мой сын хочет послать фотографию своим родственникам. Мне кажется, что мы могли бы сделать прекрасный снимок.

– Посади мальчика на слона, – приказал англичанин погонщику.

Томек победил свой страх. Подошел к огромному животному. Рука мальчика невольно коснулась длинного хобота. Индеец сказал несколько слов на незнакомом Томеку языке, слон нежно обхватил стан Томека хоботом. Еще мгновение – и мальчик очутился высоко в воздухе, рядом с громадной головой слона. Томек судорожно схватился за большое ухо животного, но тут же легко уселся на его шею.

Вильмовский установил фотоаппарат на штатив. Сделал несколько снимков, после чего Томек по совету англичанина слез, спустившись по хоботу слона на землю.

– Ты доволен? – спросил Томека отец.

– Очень доволен, папочка. Эту фотографию я pošлю всем моим знакомым в Варшаве, – заявил Томек, втайне жалея, что у него не было на плечах великолепного штучера.

Англичанин предложил посмотреть тигра. В тени остроконечной, покрытой матами крыши, поддерживаемой толстыми столбами, стояла бамбуковая клетка. В глубине ее скрывалось большое, чрезвычайно подвижное полосатое туловище бенгальского тигра.

²⁶ *Adansonia digitata* – дерево семейства мальвовых, одно из самых толстых и долголетних деревьев. Живет более тысячи лет, ствол достигает 45 м в обхвате. Плоды съедобные, сочные, длинные, по внешнему виду напоминают огромный огурец.

Увидев людей, тигр приблизил голову к бамбуковой решетке и гневно прищурился. Мускулы на морде зверя заходили, обнажая грозные, острые клыки. Тигр отрывисто и коротко зарычал. Ударяя хвостом по туловищу, тигр вытянул передние лапы, прижался к полу клетки, словно готовясь к прыжку.

– С ним надо быть очень осторожным, – предупредил англичанин. – Он пойман всего лишь два месяца назад и очень плохо переносит неволю.

Желтые глаза животного грозно блестели, он обнажил ужасную пасть и диким ревом угрожал назойливым посетителям.

Томек подошел к Смуге, который со всех сторон осматривал тигра, и спросил:

– Скажите, пожалуйста, это правда, что тигр, прежде чем прыгнуть на жертву, пригибается к земле и бьет себя хвостом по бокам?

– Да, это так, Томек. Уж таков у тигров обычай проявлять неприязненные чувства, которые они испытывают. Если бы не толстые прутья клетки, мы, пожалуй, не могли бы здесь стоять в безопасности.

– Вы, наверное, уже охотились на тигров? – продолжал спрашивать Томек.

– Да, охотился в Индии.

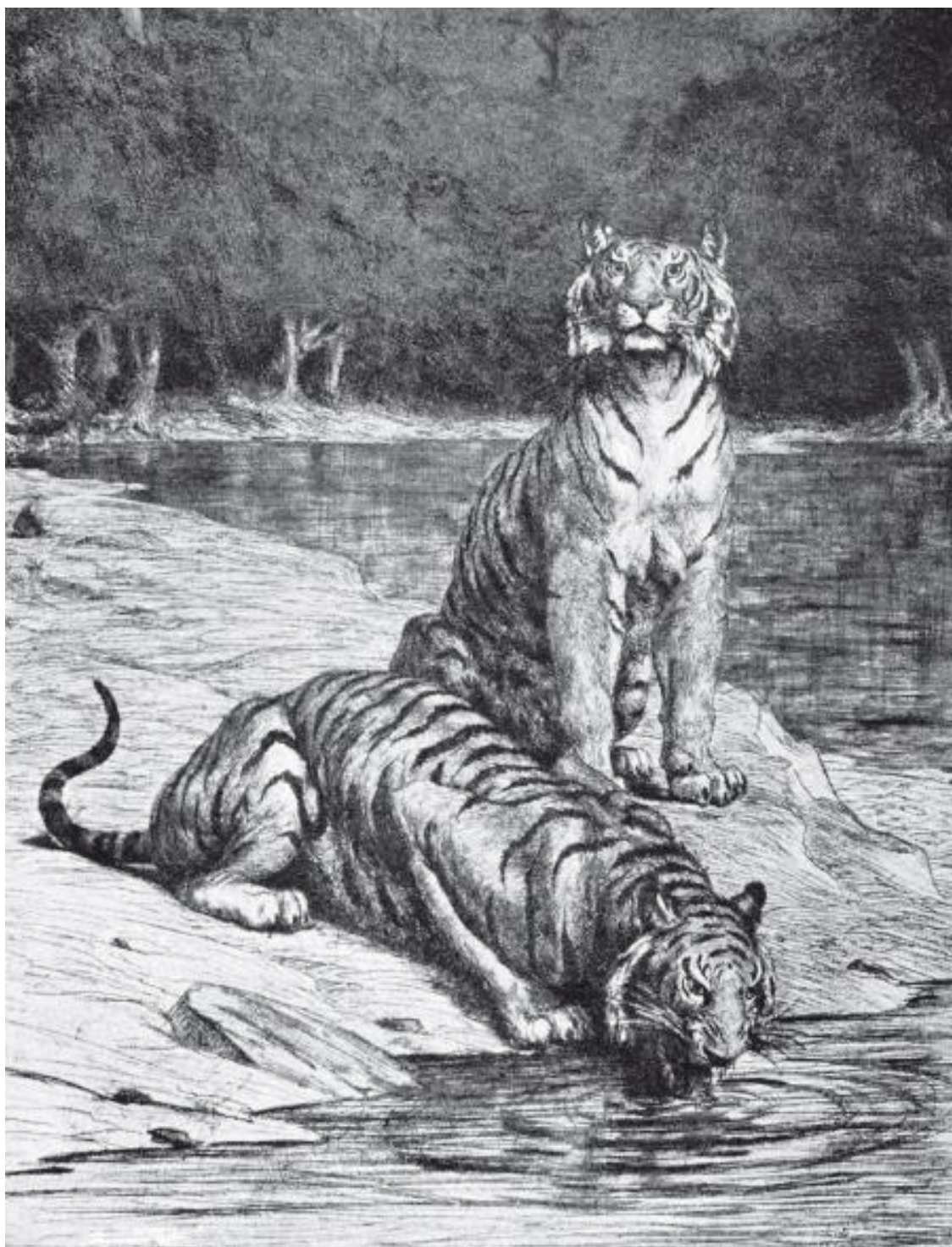
– Куда надо целиться, чтобы уложить тигра наповал?

– Тигры выходят на охоту ночью. В темноте лучшая цель – его светящиеся глаза. Если с первого выстрела попадешь между глаз зверя, убьешь его наповал.

– А если не попаду?

– Тогда, несомненно, проснешься в ином, лучшем мире, – с улыбкой ответил Смуга.

«Оказывается, боцман Новицкий прекрасно знает Смугу! – подумал Томек, вспоминая все, что веселый моряк говорил ему об охотничьих способностях великого ловчего. – Он и вправду стреляет только между глаз!»

Один из самых типичных представителей семейства кошек – **королевский** (бенгальский. – *Примеч. ред.*) **тигр** (*Felis tigris*), с одной стороны, красивейшее из животных, с другой – ужаснейший и наиболее опасный для человека из всех диких зверей. Это истинная язва всех стран, где он водится. Это настоящий бич Индии, ежегодно приносящий в жертву своей свирепости страшные человеческие гекатомбы (до тысячи человек). Великолепный мех, светло-желтый, с темными поперечными полосами, круглая голова, обрамленная длинными бакенбардами, продолговатое туловище более сажени длиной (230–260 см, причем самки на 30–40 см меньше) и, наконец, длинный хвост – такова наружность королевского тигра.

Бархатные лапы скрывают огромные втяжные когти, а пасть вооружена необыкновенно острыми зубами. (...)...одним ударом лапы ужасный зверь может причинить рану в пять дюймов (около 13 см. – *Примеч. ред.*) глубиной и переломить бедренную кость верблюда, а в зубах может тащить целого быка несколько миль. (*А. Брэм. Жизнь животных, т. 1.*)

Они медленно возвращались к рикшам. Вильмовский согласовывал с англичанином подробности погрузки животных на борт «Аллигатора».

По дороге Томек, который шел рядом с ними и Смугой, снова обратился к охотнику:

– Скажите, эти слон и тигр пойманы на Цейлоне?

– Нет, родина тигра – Бенгалия, это в северо-восточной части полуострова Индостан, а слон – коренной обитатель Цейлона.

– Какие еще животные водятся на Цейлоне?

– Можно с уверенностью сказать, что самый разборчивый охотник найдет здесь животное по своему вкусу. Кроме слонов, на Цейлоне есть медведи, леопарды, гиены, дикие кошки, буйволы, олени, индийские дикие свиньи, крокодилы, аллигаторы, огромные очковые змеи, разнообразнейшие виды обезьян и птицы, от самых маленьких до самых больших.

– Откуда вы все это знаете?

– Несколько лет назад я со своими друзьями охотился на Цейлоне, – ответил Смуга.

– А где вы охотились в Индии?

– На родине нашего тигра, в Бенгалии. Мы там ловили бенгальских тигров для Гагенбека.

– У вас есть о чем вспомнить. Хотел бы я быть на вашем месте.

– Не все воспоминания приятны, – ответил Смуга. – Как раз в Бенгалии мне пришлось пережить очень неприятное приключение.

– Ах, расскажите, пожалуйста.

– Это печальная история, Томек. Там, где мы охотились на тигров, один из них очень беспокоил жителей. Не было ночи, чтобы он не зарезал хотя бы одну голову скота. Крестьяне расставляли всякие ловушки на грозного разбойника. Они выкапывали ямы, на дне которых ставили острые колья, а сверху закрывали дерном и листьями. Все попытки убить хищника кончались трагически для охотников. Наконец, в отчаянии, крестьяне обратились ко мне с просьбой убить злого тигра. Однажды ночью я засел в засаду вблизи загородки для скота.

– Почему вы были один и никто больше не принял участия в этой опасной охоте?

– Меня сопровождал проводник, индеец. Тигр, на которого мы охотились, был старым опытным разбойником, а у крестьян не было хороших ружей. Тигр подкрадывался к нам в полной тишине. Если бы не волнение среди скота в загородке, мы бы его совершенно не заметили. Грозный блеск светящихся глаз тигра я увидел, когда он подошел ко мне на расстояние не больше пяти метров. Пораженный неожиданным появлением тигра, я выстрелил слишком поспешно. После выстрела некоторое время царила ужасная тишина. Мой проводник, уверенный в меткости моей стрельбы, стал искать убитого зверя, хотя я предупреждал его, что сомневаюсь, попал ли я в тигра. Однако проводник утверждал, что, если бы я промахнулся, тигр уже бросился бы на нас. По его мнению, тишина свидетельствовала о смерти животного. Он рассуждал вполне логично, но меня убедить не мог. Я советовал терпеливо подождать. К сожалению, индеец меня не послушал и начал поиски.

Через секунду я услышал ужасный крик индийца, от которого у меня мороз пробежал по коже, и еще более ужасный рев хищника. Я бросился на помощь, держа наготове заряженный карабин. Прошло всего лишь несколько секунд, но, прибежав к месту трагедии, я увидел, что тигр душил и рвет когтями моего проводника, увидел блеск глаз этой ужасной бестии. Я спустил курок, и, хотя на этот раз был вполне уверен в меткости выстрела, тигр не выпустил из когтей свою жертву. Увидев, что тигр, ощерив ужасные клыки, склонился над телом бедного проводника, я всадил приклад ружья в его открытую пасть. Тигр прыгнул в мою сторону. Я

упал, и зверь придавил меня всей тяжестью своего тела. Но к счастью, это были последние мгновения его жизни. Лежа на мне, тигр содрогался в предсмертных судорогах. Наконец он затих навсегда.

– И с вами ничего не случилось? Вы не были ранены? – спросил Томек, с восхищением глядя на Смугу.

– Собственно говоря, ничего по сравнению с моим бедным проводником.

– Ага! Однако же вы были ранены!

– Тигр когтями нанес мне глубокую рану на предплечье. Я пролежал в горячке почти два месяца, мне угрожало заражение крови. Взгляни!

Смуга закатал покороче рукав рубашки. Томек увидел глубокий неровный шрам, идущий от плеча почти до самого локтя.

– Но это ужасно! – прошептал Томек.

– Ужасна была только смерть моего проводника. К сожалению, он был неосторожен. Мы знали, что бенгальские тигры очень свирепы и опасны. Оказалось, что моя первая пуля попала ему в череп несколько выше глаз. Если бы мы терпеливо подождали до утра, все обошлось бы прекрасно, без несчастья с проводником.

Томек тяжело вздохнул. Он подумал, что надо обладать большой отвагой, чтобы охотиться за такими кровожадными бестиями.

Через минуту мальчик снова обратился к Смуге:

– Мне кажется, в Австралии нет тигров.

– Единственный хищник, который встречается в Австралии, – это дикая собака динго. Только поэтому отец решился взять тебя в экспедицию. Впрочем, не печалься, Томек! Ты великолепно проведешь каникулы.

– Я так рад, так рад! – вскричал Томек. – Я был бы еще больше рад, если бы вы пообещали взять меня с собой поохотиться на... тигров.

– Когда вырастешь, я тебя, наверное, возьму.

– Вы в самом деле обещаете мне это?

Смуга ласково погладил Томя по голове и серьезно сказал:

– Обещаю, Томек!

Путешественники вернулись на борт «Аллигатора». Животных погрузили без всяких приключений. Слона перевязали широкими полосами из полотна, после чего при помощи судового крана погрузили на судно. Его поставили в загородке рядом с верблюдом, а клетку с тигром отправили в отдельное помещение, чтобы он своим присутствием не беспокоил и не раздражал других животных.

После обеда погрузка угля была закончена, но «Аллигатор» снялся с якоря и оставил уютную пристань в порту Коломбо только при ярком свете луны.

VII. Между циклоном и пастью тигра

На всех парах «Аллигатор» шел на юг по направлению к экватору²⁷. Жара становилась невыносимой, в каютах стояла духота, поэтому наши путешественники охотно проводили вечера на палубе.

Томек внимательно следил за звездами Южного полушария. Его внимание привлекли пять ярких звезд, сиявших на небе. Отец сказал ему, что это созвездие носит название Южного Креста и в Южном полушарии играет у мореплавателей ту же роль, что Полярная звезда, находящаяся в созвездии Малой Медведицы – в Северном, то есть служит путеводной звездой.

²⁷ Воображаемые линии на поверхности земного шара, соединяющие его полюса, называются меридианами. Экватор же – это круг, проходящий через середину меридианов, который делит землю на два полушария: Северное и Южное. Считают, что длина экватора составляет 40 070 368 м. Однако по измерениям советского ученого Ф. Н. Красовского истинная длина экватора – 40 075 696 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.